

Детектив в стиле Конан Дойла

Линдси Фэй

Тайна семи

Annotation

В холодный нью-йоркский вечер зимою 1846 года в полицейский участок, где дежурил Тимоти Уайлд, один из самых ловких сыскарей «медных звезд», забежала насмерть перепуганная молодая женщина. Трясаясь от холода и страха, она поведала, что ее дом ограбили. А на вопрос о том, что было похищено, ответила: «Моя семья». Ошеломленный Тимоти не сразу взял в толк, что произошло. Только потом, начав расследование, он узнал, какой это выгодный бизнес в Нью-Йорке – отлавливать бежавших с Юга на Север рабов и их потомков, не имеющих документов об освобождении. И насколько опасное дело – защищать этих несчастных в рамках закона, поскольку сам закон «демократического» Севера не считает их людьми, предпочитая рассматривать беглецов как товар. А где товар – там большие прибыли, которые охраняются очень большими людьми...

Линдси Фэй

Тайна семи

Посвящаю Габриэлю; он всегда знает, что я могу

*Раз – это грусть,
А радость – два.
Три – девчонка
Сорвиголова.
Четыре – мальчишка
Скок-поскок!
Пять – серебро
Попал на крючок.
Золото – шесть, сундук на замок.
Семь – это тайна, и всем молчок!^[1]*

*Цветная мать Новой Англии своему младенцу
Светло блестит в темноте глаз твой,
Сердечко радостно бьется.
Пусть беды и зло обойдут стороной
Тебя, сынок мой родной.
Смейся сейчас – придут года,
И навалятся все несчастья,
Стыд и позор, плач, нищета
Подступят к дверям, налетят на тебя,
Словно буря или ненастье.
Тому, чья кожа хоть чуть темней,
Чем у белого человека,
Счастья нет до конца дней,
Лишь слезы и пот на вечные веки.
Счастлив младенец в начале пути,
Но судьба его решена,
От тягот и бед никак не уйти,
Ибо кожа его черна.*

Популярная песня аболиционистов

© Рейн Н. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Избранные слова и выражения брызгального наречия^[2]

Аид – еврей

Аутем (от лат. *autem*) – церковь

Башка – голова; пустоголовый, легкомысленный человек

Бене (от итал. *bene*) – хороший, отличный

Бережно – осторожно

Божья коровка – содержанка

Болтовня – разговор

Браток – мужчина

Вонять – бояться, испугаться

Вставить, вставиться – присоединиться

Грязнуха – неряшливая женщина

Деревня – сельский житель, простофиля

Дерзкий – вспыльчивый; сварливый

Дернутый загон – сумасшедший дом

Джек Денди – нахальный парень

Жирно – дорого, богато

Заткнуть – душить; задыхаться

Звездочки – проститутки

Звенелки – деньги

Кемарить – молчать

Клёвый – симпатичный, привлекательный

Красная тряпка – язык

Кролик – буйн

Курица – женщина

Логово – дом

Лопотать – говорить на неизвестном языке

Лукавить – бить

Мертвый кролик – сильный и буйный мужчина, буйн

Молли – девушка; женоподобный парень; содомит

Мышить – вести себя тихо; не шуметь

Мэб – шлюха

Мякий – буйный; веселый; общительный

Нажратый – больной

Нед – золотая монета в десять долларов

Нишкнуть – молчать; вести себя тихо

Нора – дом

Ночная бабочка – проститутка, которая работает на улицах только по ночам

Нюхач – полицейский осведомитель

Орган – трубка

Перчиться, с перчиком – теплый; страстный, горячий, горячиться

Петелька – вздор, чепуха

Пискун – ребенок

Подавить, подави – убить; «..., и точка!»; хватит

Посвященный – тот, кто знает

Птенчик – ребенок

Пухлый, пухло – богатый; много денег

Пыльный – опасный

Пытливый – подозрительный

Разбавить – ошеломить; одурманить

Рубить – тошнить, блевать

Ручкаться – пожать руку

Рычать – дерзить; пугать; блефовать

Сан (от франц. sans) – без чего-либо; ничего

Сладкий – пьяный

Сломать бабку – озадачить, запутать

Смазанный – выпоротый

Совы – женщины, которые выходят на улицу только ночью

Сок – выпивка

Спокойный – убитый

Стейт – город Нью-Йорк

Стопарик – пьяница

Талант – непривередливый; свободомыслящий, умный человек

Туша – тело

Успокоить – убить

Физия – лицо

Французские сливки – бренди

Черепушка – лицо

Чиркало – мошенник, который обманывает сельских жителей при помощи меченых карт

или костей

Чиркануть – запомнить

Чмокать – клясться на Библии. «Мирошка приказал мне чмокнуть телячью кожу»
(Мировой судья приказал мне поклясться на Библии)

Шамовка – еда; шамать – есть.

Шмотки – одежда

Шумный – растерянный; озадаченный; сбитый с толку

Щекотать – доставить удовольствие; забавлять

Эльфить – ходить неслышно; на цыпочках

Язва – ругань

В тот день, когда с ней случилось самое худшее – а под худшим я подразумеваю трагедию, ради предотвращения которой вы готовы умереть, готовы даже убить, самую невыносимую и несправедливую жестокость, – Люси Адамс работала в цветочном магазине. И расставляла в витрине и на прилавке букеты алых и оранжевых тепличных роз, чьи цвета и оттенки могли бы посрамить самый яркий и эффектный закат в разгар лета.

Как же мало я знал о ней в тот день, когда мы встретились. Как удручающе мало! Детали появятся позже. Много позже того, когда я обещал ей, я, Тимоти Уайлд – полицейский, жетон с медной звездой под номером 107, защитник каждого, кого, черт побери, считаю несправедливо обиженным, – пообещал ей все исправить. Пообещал, что не остановлюсь ни перед чем, чтобы помочь ей, а в конце попросил ее рассказать мне все по порядку.

Просто поведать, как оно было, и я постараюсь все исправить.

Господи, до чего ж самонадеянны бывают мужчины, проработав всего полгода в полиции!^[3]

Невозможная работа. А может, просто слишком сложная для таких, как я. Должен отметить, что мой брат Валентайн справляется с ней куда как лучше, этот неоперившийся юнец, звезда нью-йоркской полиции; но он является капитаном отделения Восьмого округа и распутывает любое самое гнусное и безнадежное дело с той же легкостью, с какой котенок разматывает клубок пряжи.

Нет, не совсем так. В данном случае братья Уайлд – младший и старший – вместе приняли несколько весьма здравых решений.

Я, конечно, мог бы притвориться, что пересказ истории Люси Адамс важен для потомков. Даже для правосудия. Но это было бы ложью и полным вздором. Туманная пелена и дым затеяют пейзаж, где кругом понатыканы склепы. Главным для меня было то, что вся эта черная сага до сих пор то и дело встает перед глазами.

И в последний раз, когда это случилось, я решил все записать.

Итак, 14 февраля 1846 года, в шесть вечера, миссис Адамс стояла за прилавком цветочного магазина и срезала шипы со стеблей роз. С утра день Святого Валентина выдался холодным и ясным, но к вечеру весь Манхэттен продувался промозглым ветром, снежинки закружили в воздухе, добрались до Чемберс-стрит и вместе с морозом разукрасили витрину инеем. Магазин должен был закрыться еще час назад, но до сих пор в него валом валили мужчины в длиннополых пальто с разрезами сзади и набирали целые охапки цветов – знаков напоминания о лете. Хлопали шарфы, мелькали цепочки от часов, целые акры выращенных в теплицах цветов выносились за дверь на мороз и в снег.

Работая, миссис Адамс напевала под нос мелодию. Слишком старую, чтобы кто-то мог вспомнить, как когда-то называлась эта песенка, но с губ она слетала легко и естественно, как дыхание. Она уже радостно предвкушала ужин – сегодня повариха обещала запечь для семьи пару уток, и воображение подсказывало, как приятно пахнет сейчас в доме апельсиновой кожурой и сушеной мятой. Прямо в ноздрях уже защекотало от этого аппетитного запаха.

Часы тикали, проходили минуты за минутами, и вот она принялась заворачивать стебли букета в кроваво-красный шелк. И делала это так, словно проводила обряд заклинания.

Пальцы двигались уверенно, шелковая ленточка заранее отмеренной длины была мягка и эластична, как кожа. Этот букет на сегодня последний. И она с особым тщанием завязала бантик. Изящное элегантное дополнение – последний штрих.

Владелец магазина мистер Тимпсон, бывший обитатель Манчестера, пожилой мужчина с добрыми глазами и серым цветом одрябшего лица – исключение составлял лишь нос в красных прожилках, – покосился на часы рядом с желтыми лилиями и удрученно зацокал языком. Он только что поблагодарил трио последних покупателей, модников в бордово-коричневых пальто и брюках цвета слоновой кости, и вот, наконец, магазин под названием «Лучшие цветы у Тимпсона» опустел. Весь день он напоминал фондовую биржу.

– Я сам подмету, дорогая, – сказал он своей единственной помощнице миссис Адамс. – Через четверть часа на улице начнется сущий кошмар, а мне, чтобы поужинать, всего-то и надо, что подняться на второй этаж. Так что ступай-ка ты домой.

Миссис Адамс принялась было возражать, что не успела навести порядок, прибраться перед завтрашним днем. Да и снег ничуть не сильный, и дом ее совсем недалеко, всего-то и надо, что свернуть за угол от Чемберс-стрит, а дальше прямо по Уэст Бродвей. Но мистер Тимпсон продолжал стоять на своем, весело похлопывал в ладоши, даже несколько раз шикнул на нее. К тому же было уже довольно поздно – еще бы, самый хлопотный и прибыльный день в году, – и миссис Адамс действительно хотелось поскорей оказаться дома.

И она ушла.

Быстро проскользнула мимо витрин, даже не заметив, что там творится, как не замечают тиканья будильника в спальне, и поспешила к дому. Знакомый ритм, знакомый и привычный, как собственный пульс, маршрут. Универмаг мистера Фримена «Приятные пустячки: старое и новое». Дальше – «Мануфактура: иглы и рыболовные крючки». Затем отель под названием «Музей». Снег кружил над бульжной мостовой, словно его поддувало откуда-то снизу, и она плотней запахнула на себе меховое манто. Прошла мимо мужчины, толкающего перед собой тележку, нагруженную мешками из джута; он выкрикивал: «Песок! Кому белый песочек!» В ответ на этот призыв из лавки, где продавались ткани, вылетел какой-то мужчина и едва не врезался в Люси. Но она успела отскочить в сторону. Джентльмен с бакенбардами извинился, суя в ладонь торговца монеты, чтобы приобрести мешок песка, которым собирался посыпать тротуар перед входом в свою лавку, дабы покупатель, не дай бог, не поскользнулся.

А миссис Адамс продолжала идти дальше.

И вот, наконец, она отперла дверь узкого, как пенал, дома из красного кирпича, что на Уэст Бродвей. Зябко передернулась, снимая меховое манто. Дом встретил ее полной тишиной. Она бросила манто в прихожей на стул, обитый дамаском, и прошла в гостиную. В комнате ни души. Миссис Адамс подошла к камину, где дотлевали угли, растопырила пальцы веером, затем принялась стягивать перчатки. Потом вынула булавку и сняла шляпу. Глаза перебежали с одного предмета на другой – от высушенных цветов в рамочке на каминной доске к паре крохотных фарфоровых лошадок и единственной веточке омелы в вазе из стекла цвета аметиста. А потом крикнула домашним, что пришла.

Но никто не ответил.

Тогда она неспешно прошла в столовую. Ни малейшего звука, ни шепота, ни шороха, ничего. Она уже повернулась к лестнице, чтобы подняться наверх, и снова радостно возвестила о своем приходе.

Но снова ответом ей была тишина. Глубокая, как в могиле.

Пять минут спустя Люси вылетела из дома на Уэст Бродвей – края юбки зажаты в кулачках, рот искажен криком – и понеслась сквозь снежный буран к полицейскому участку в Гробницы^[4].

С этого и началось наше знакомство. Я там работал.

В этот момент я сидел в каморке без окон, которую в прошлом месяце удалось переоборудовать и присоединить к своему кабинету; сидел со стаканом голландского джина в руке и кривой улыбкой на небритой физиономии и пил за здоровье моего друга инспектора полиции Джакоба Писта. Нам с ним только что удалось решить одну запутанную головоломку, и мы не считали нужным скрывать свою гордость. Он приподнял свою безобразно морщинистую лапу с зажатой в ней оловянной кружкой и хохотал просто как маньяк какой-то. И тут, споткнувшись на пороге, в полуоткрытую дверь ворвалась Люси Адамс.

Могу ли я описать ее должным образом, описать, как выглядела она до того, как я узнал ее тайны? Подозреваю, что нет. Если тайны – это истинные сокровища, и хранят их владельцы в самых темных уголках и глубоких сундуках, то я обследовал «шкатулку с драгоценностями» Люси Адамс с тщанием разбойника, грабящего на дороге карету. Страшно противно быть вором, когда твоей добычей становится чья-то личная жизнь. Я не такой человек. Мне омерзительно быть таким человеком. Люди, с виду самые воспитанные и приличные, выкладывают мне подробности своей личной жизни по доброй воле. Причем это было всегда, еще в ту пору, когда я работал барменом. Даже до того. Но я ненавижу выпытывать тайны без разрешения, без взмаха руки, знака, что я могу войти.

Так как она выглядела тогда, эта моя тайна, во время нашей первой встречи, прежде чем я смог проникнуть в самые ее глубины?

Для зимы Люси Адамс была одета как-то слишком легкомысленно, и это при том, что каждый предмет ее туалета возвещал о своем высочайшем качестве. Носок ботинка, высывающийся из-под складок кобальтово-черного дневного бархатного платья, намек от снега. А стало быть, покидала она дом в спешке, даже не надев бот. Горностаевая горжетка цвета слоновой кости, накинутая на плечи, связана каким-то дико асимметричным красным бантом, с десятков других вещей на ней просто взывали о помощи. Зияют раструбы белых кожаных перчаток – забыла застегнуть на кнопки с жемчужинами. И еще она была без шляпки, даже без вуали, хотя бы ради приличия, уже не говоря о тепле. Просто волны, одна волна за другой шоколадно-каштановых волос, подобранных вверх и закрученных в невероятно тугие кудряшки – таких мне еще не доводилось видеть, – и на них медленно тают снежинки.

С ней случилось нечто ужасное. Не нужно было обладать наблюдательностью бармена, чтобы понять это. Глаза у Люси Адамс были цвета лишайника на каменной стене – на сером фоне проблескивали зеленоватые искорки. И еще они были так расширены, словно она свалилась в Гудзон с парома. Мистер Пист и я уставились на нее в полном шоке. Губы у нее были очень полные, приятно округленные, и чтобы что-то сказать, она силилась разлепить их с таким видом, точно это доставляло ей боль.

Словом, она была настоящая красавица. И эту часть истории невозможно не принимать в расчет. Увы, но она имеет большое значение. Миссис Адамс была самой красивой женщиной из всех, каких мне только доводилось видеть.

– Вы ранены, мэм? – Наконец-то я обрел дар речи и вскочил на ноги.

– Мне нужен полицейский, – ответила она.

– Вы пришли по адресу. Прошу, присядьте, – сказал я, а мистер Пист торопливо налил ей стакан воды. Похоже, миссис Адамс просто не замечала стула, и тогда я протянул ей руку, и она безвольно, точно марионетка, управляемая новым кукольником, двинулась за мной. – Мы вам поможем.

– Умоляю, помогите!

Слегка надтреснутый голос оказался глубже и ниже, чем можно было ожидать от женщины столь изящного телосложения. От него у меня по шее пробежали мурашки; показалось, что если она крикнет во всю плотку, то сможет направить корабли на скалы. Одному богу ведомо, сколько кораблей затерялось той ночью в шторме, а ведь плыли на них жители Нью-Йорка, которым так и не суждено было вернуться домой. Но она, конечно, тут ни при чем. Большинство сказали бы: не повезло. Такова уж судьба. Рок. Или даже воля Божья. Но я не мог удержаться от этой мысли при звуках ее голоса. Уж если он так цеплял мужчину, то запросто может сбить с курса какой-нибудь пароход и отправить его на опасную отмель.

– Можете полностью нам доверять, – мягко заметил я. – Просто расскажите мне, что случилось, и я все улажу.

Наши глаза встретились. Ее стали бледными и прозрачными, как тонкая пластина сланца.

– Ограбление.

– Что украли? – осведомился я.

– Мою семью, – ответила она.

Зло, на которое мы жалуемся, лишь усиливается. Европа наводняет нашу страну эмигрантами. Великобритания приводит такие цифры: в нашу страну депортированы двадцать пять миллионов человек, из них около миллиона ирландских бедняков. Все это окончательно разрушит американский рынок труда.

Мистер Левин, член Нативистской американской партии^[5], цитата из «Нью-Йорк геральд» за 1846 г.

Я слишком хорошо успел узнать свой город. И особой любви и привязанности к нему не испытываю.

Возможно, было бы куда как лучше жить в полуразвалившейся каменной лачуге на побережье Испании, по утрам забрасывать сеть и ловить сардины, по ночам долго слушать, как кто-то перебирает струны гитары, наигрывая обрывки мелодий. Или же держать таверну в маленьком и меланхоличном английском городке. Наливать пинты пива вдовцам, вечерами читать стихи. Не знаю, я никогда не выезжал из этого города, так что не могу сказать наверняка. И мое знание о чужих странах почерпнуто только из книг. И все же думаю, что вполне возможно хорошо знать город – и вместе с тем любить его. Во всяком случае, надеюсь, что так бывает.

Нет, наверное, главная проблема состоит в том, что я полицейский и работаю в отделении Шестого округа на Манхэттене и понимаю, что человек с медной звездой призван на службу не для того, чтобы ходить дозором по улицам. Нет, он должен собирать факты и раскрывать преступления, а я, наверное, не слишком, знаете ли, расположен вникать в подробности некоторых преступлений. Ну, по крайней мере, хотя бы наполовину.

К примеру, тем утром, в Валентинов день, я проснулся с неприятным ощущением, что кто-то где-то в этом полумиллионном городе наверняка нарушил закон, а я представления не имею, кто бы это мог быть. А все потому, что накануне в мою маленькую каморку без окон в Гробницах пожаловал не кто иной, как шеф полиции Джордж Вашингтон Мэтселл – наш бесспорный лидер, неукротимый и напористый, как носорог, борец с преступностью, человек, просто обожающий задавать мне неразрешимые загадки.

Д. В. Мэтселл производил впечатление уже хотя бы потому, что был огромен – рост свыше шести футов, вес фунтов триста, и ни унцией меньше. Но не только поэтому. Он производил впечатление, потому как разум и воля его напоминали поезд, мчащийся на всех парах. До назначения нашим шефом он работал судьей и успел прославиться на этом поприще. Ну, а поскольку мы, простые копы, являем собой разношерстную и неорганизованную шайку – это еще мягко сказано, – теперь он уже перестал быть знаменитым. Что, впрочем, его не слишком расстраивало.

Я услышал шум и поднял глаза от стола. Всего секунду назад казалось, что дверь в мой кабинет вполне нормальных размеров. Ну, человеческих, что ли. И вот теперь на пороге стоял шеф Мэтселл, а дверь напоминала лаз в мышиную норку. Он стоял и невозмутимо взирал на меня. Тяжелая челюсть в мясистых складках, светлые глаза сверкают. Я взял в привычку обходить свое отделение, как прежде делали все мои коллеги, выискивая, нет ли

где непорядка, и очень часто обнаруживал, что есть. В августе прошлого года, когда закончилось расследование этого ужасного убийства ребенка, шеф решил, что мои мозги должны находиться в постоянном его распоряжении, и с тех пор я засел в Гробницах, и неприятности находят меня или с помощью записок от Мэтселла, или же он является собственной персоной. И я, черт побери, так до сих пор и не понял, что хуже.

– Бесценная живописная миниатюра похищена из частной резиденции по адресу дом 102, Пятая авеню, при весьма необычных обстоятельствах, – заявил он.

Небось размером с бусинку, но в животе у меня все сжалось. Страшно неприятное ощущение.

– И вы должны ее найти. Мистер и миссис Миллингтон ждут вас у себя к девяти.

– Буду, – ответил я и резко выдохнул.

– Найдите вора, мистер Уайлд, и поскорей, – бросил он через плечо и вышел решительно и бесшумно, словно за дверью стояли батальоны, ждущие его распоряжений.

«Легко сказать, да трудно сделать», – подумал я.

Я был среди первых полицейских, нанятых после того, как Муниципальный совет закончил реформирование городской полиции. И я страстно желал стать самым лучшим. Но до сих пор работа напоминает мне плохо сидящее пальто – рукава нескладные и слишком широкие, прорези для пуговиц страшно узкие, и при возникновении каждой новой проблемы в голову лезла жуткая чепуха. И я задавался одним и тем же вопросом: как ты собираешься раскрыть это дело, с чего начать?

Отвратительное ощущение.

Я рассеянно подумывал о том, что неплохо было бы, как обычно, заскочить вечером в бар. Но затем вдруг решил, что туда же непременно завалятся брокеры с Уолл-стрит, вылакают весь ром, начнут сплетничать, шипеть, извиваться, как змеи, заползая ко мне в душу, как под кедровую панель для облицовки. И не то чтобы я не мог найти какое-то там украденное добро или усмирить уличных хулиганов. Не существует убийств, которые я не мог бы раскрыть. Однако сам я прежде считал, что лицо мое еще недостаточно покрылось шрамами от пожара, уничтожившего чуть ли не половину города, что нет ни одной маломальски приличной дыры, куда меня могли бы нанять на работу, что мой дом и состояние не испарились и что главным моим стремлением было подавать шампанское брокерам, которые уже напились до одури. Словом, я в основном беспокоился из-за сухих пустяков.

Я сказал – в основном.

Примерно раз в месяц мне снились сны о работе в полиции, о том, что случилось прошлым летом. А как же иначе? Но от этих снов голова потом просто раскалывалась.

Однако, как только Мэтселл поручил мне найти миниатюру, я тут же отбросил все сомнения и собрал волю в кулак. За все то время, как я перестал быть простым патрульным и получил должность решателя самых сложных и хитроумных загадок шефа, мне еще ни разу не доводилось расследовать преступление против так называемых сливок нашего общества. А добратся до дома под номером 102 на Пятой авеню было раз плюнуть – всего-то пройти через раздражающе веселый парк Юнион-плейс.

Не любил я эти районы по чисто экономической причине. Потому как у меня было всего пять предметов мебели, и снимал я крохотную комнатку над пекарней. Но раз Мэтселл отдал такое распоряжение, следовало его выполнить.

И вот утром 13 февраля я поспешил на выполнение задания и лишь качал головой при виде чудес Юнион-Сквер-парк. Вообще-то все наши парки лет через десять после их

создания превращаются в место, напоминающее свинарник или курятник – последнее еще в лучшем случае. Но Юнион-плейс с его аккуратно подстриженным кустарником и расчищенными граблями дорожками чуть ли не с религиозным пылом силился соответствовать окружающей обстановке. Аллеи приветливо шептали: добро пожаловать, радуйся и наслаждайся – видно, считали меня одним из местных обитателей. Под голыми ветвями молоденьких деревьев столь же юные девушки заливались веселым смехом, из-под меховых манто виднеются волны белых кружев, от яркого света вспыхивают разноцветными искрами бриллианты, вплетенные в волосы.

Будь я в более романтическом настроении, то, может, остановился и полюбовался бы ими чуть дольше. Но я продолжал вышагивать по Шестнадцатой улице, делая вид, что нет девушки по эту сторону океана, которая бы стоила того, чтобы занять мои мысли и внимание хотя бы на десять процентов.

Первоклассное троекратное ослиное упрямство и тупоголовость – так называл братец Вал эту мою одержимость. Увы, но тут я не мог ничего поделать. Мне хотелось украшать ради нее улицы флагами, брать с боем города. Если б мозг ее был картой, я бы взял изящную желтую ленточку, приколол бы нежно и безболезненно, а потом водил ею, чтобы отследить ход ее мыслей. Понимая, что это вряд ли возможно, я примеривал на себя роль парня, который будет запирает по ночам двери в ее дом, ибо она всегда отличалась дерзкой легкомысленностью, но никак не благоразумием. А уж проверять, заперты ли створки окон, – это занятие не для хрупкого создания с локонами. Так мне, во всяком случае, кажется.

Мерси Андерхилл находилась в Лондоне, а я – в Готэм-сити^[6]. И вот вместо того, чтобы прийти к ней, я постучался в дверь дома 102 на Пятой авеню.

Трехэтажный дом из коричневого камня был построен лет пять тому назад, не больше, ведущие к нему ступени словно расплывались в широкой ухмылке между двумя унылыми каменными грифонами, застывшими по бокам на пьедесталах. Резная дверь тикового дерева, в ящиках для растений под окнами понатыканы сосновые ветки, на них красуются позолоченные шишки; каменный фасад разукрашен везде, где только нашлось свободное место. Даже черепичная кровля, казалась, так и вопиет о недавно привалившем богатстве. Грифоны как-то совсем не соответствовали этому месту – как, впрочем, и я.

Я попробовал позвонить. Звонок прозвучал как гонг, приглашающий императора к обеду, и двери распахнулись. Привратник, увидев меня, скроил такую гримасу, точно заглянул на скотобойню. Наверное, потому, что мое шерстяное зимнее пальто было унылого серого цвета и некогда принадлежало кому-то другому. И еще потому, что правая верхняя часть моего лица походит на застывшую лужицу воска. Но ведь он ни черта не знал о предыстории этого пальто. И в лицах, видно, не очень разбирается. А потому решил, что лучше промолчать, так я подумал.

Я все ждал, когда он что-нибудь скажет. А он просто стоял в дверях. Высокий, молчаливый, с бакенбардами.

И тогда я прикоснулся пальцами к медной звезде на жетоне, приколотом к лацкану.

– Ага, – протянул он таким тоном, словно только что обнаружил источник неприятного запаха. – Вам поручено искать картину... Полицейский, насколько я понимаю.

Я невольно усмехнулся. Я уже успел привыкнуть к подобному тону – именно так люди относятся к полицейским невысокого звания, пусть даже мало кто из них употребляет слово «поручено». Впрочем, все это неважно. За годы работы в баре я наслушался разговоров тысяч людей из сотен городов. Прежде для меня это было даже своего рода игрой. Определить, кто

есть кто и откуда. Одной из многих игр. И, по всей очевидности, Миллингтонам не удалось определить на слух выходца из Бристоля, который силился копировать лондонский акцент, вот они и наняли старого морского волка в лакеи. Это меня изрядно позабавило. И еле видная дырочка в ухе, куда некогда была вставлена серьга, тоже позабавила.

– Ну, как там у вас дома обстоят дела с кораблестроением? – спросил я.

Если вы ни разу не видели, как краснеет, а затем бледнеет пожилой морской волк, то многое потеряли в жизни. Да у него даже бакенбарды встали дыбом.

– Прошу, сэр, сюда, входите... И сразу дайте знать, если вам что понадобится.

Мы вошли в фойе, увешанное портретами дам нездорового вида – с собачками, с детьми и за рукоделием. Из двери напротив вылетел бойкого вида джентльмен лет пятидесяти пяти, на ходу поглядывая на золотые карманные часы. Очевидно, мистер Миллингтон собственной персоной.

– Здесь полицейский, хочет видеть вас, сэр, – отрапортовал лакей из Бристоля.

– О, чудненько! Как его имя, Тёрли?

Тёрли безмолвно, словно щука, раскрывал и закрывал рот. Этот несчастный так страдал, что я решил закрепить нашу с ним дружбу и бросился на помощь.

– Тимоти Уайлд. Буду рад сделать все, что в моих силах, чтобы вернуть вашу собственность.

– Надо же, – пробормотал Миллингтон, пожимая мне руку. – Не совсем то, что я ожидал от шефа Мэтселла, но, полагаю, ему видней.

Не зная, чью сторону занять в этом споре, я предпочел промолчать.

– Я должен ехать в «Чейндж», – сокрушенно заметил он. – Так что просто провожу вас к комнате для музицирования, вернее... как это там у вас говорят? К месту преступления, правильно?

– Не могу знать.

– Понимаю, – растерянно протянул он.

По пути мистер Миллингтон поведал мне, что накануне утром, ровно в шесть, их горничная Эйми, войдя в это помещение, испытала настоящий шок. Миллингтоны являлись любителями искусств (комнаты, через которые мы проходили, просто утопали в китайских вазах и японских ширмах, стены сплошь завешаны живописными полотнами, изображающими херувимов, не слишком энергично выполняющих прямые свои обязанности), и каждое утро все эти драгоценные произведения искусства полагалось протирать и чистить. И еще проводить их опись, отметил про себя я. Так вот, увы и ах, но Эйми вдруг обнаружила, что на стене комнаты для музицирования не хватает одной миниатюры. После тщательнейших поисков о том уведомили Мэтселла, и теперь мне предстояло выступить в роли ищейки.

Не самая сильная из моих сторон. Я точно это знал.

– Жена страшно расстроена этим ужасным событием, – снова на миг возникли золотые часы мистера Миллингтона. – Стоит ли говорить вам, что это Жан-Батист Жак Огюстен?^[7]

В свое время я набирался ума, пользуясь огромной библиотекой одного очень эрудированного протестантского священника, а потому ответил с ходу:

– Придворный миниатюрист? Последний официальный, так сказать, художник короля Франции?

– О... Что ж, хорошо.

– И что она собой представляет?

Мне тут же сообщили, что представляет она собой пастушку в соломенной шляпе с розовыми ленточками. Как раз в этот момент мы подошли к комнате для музицирования. Там друг против друга стояли, словно дуэлянты, два рояля; имелась также виолончель, несколько красивых лютен и арфа с распахнутыми крыльями размером с чулан.

– Ужасно извиняюсь, но мне действительно пора бежать, – заявил Милингтон. – А вы, Тёрли, позаботьтесь о том, чтобы этот полицейский получил ответы на все свои вопросы, хорошо? А теперь... словом, вам лучше знать, что и как здесь делать, мистер Уайлд.

Я не знал. Но он удалился так быстро, что у меня не было возможности сообщить ему об этом.

Когда шаги хозяина затихли вдали, Тёрли смущенно затеребил свои бакенбарды.

– Я о том, что было чуть раньше, сэр. Сожалею и...

– Да будь вы хоть цыганской царицей, мне все равно. Кроме того, именно этого они от вас и ждали. Меня вы не смогли одурачить. Но это вовсе не означает, что вы не способны самым распрекрасным образом морочить им головы. Так что помогите мне разобраться с этим делом – и проехали, забыли.

Он улыбнулся, продемонстрировав кривые зубы; наверняка ни разу не улыбался так при хозяевах при дневном свете.

– Что ж, это честная игра, мистер Уайлд. Наверное, вы прежде всего хотите осмотреть комнату.

Я счел это разумной идеей и начал осматриваться. Разглядывать инструменты, эркеры, розовые шторы на них, злобного вида драконов, охраняющих камин. И едва подавил вздох разочарования.

Комната как комната. Ничего особенного.

Очевидно одно: миниатюра отсутствует. Одну из стен украшала коллекция из одиннадцати миниатюр; то были в основном портреты праздных и розовощеких представителей знати, но имелось и несколько изображений столь же розовощеких и праздных простолюдинов. Очевидно, их должно было быть двенадцать. Не хватало третьей справа во втором ряду. Обои в том месте, где висела миниатюра, были грязные, россыпь пышных чайных роз на них покрыта пылью. Три параллельные полосы пепельно-серой грязи. Я наклонился поближе, рассматривая это место.

Просто пустое место, ничего больше.

Я, слегка нервничая, провел пальцем по шраму у брови и пошел посмотреть замки на двойных дверях в комнату для музицирования.

– Я бы и сам назвал эти обстоятельства весьма странными, сэр. В полночь, когда я делал ночной обход, комната была заперта. Ключ есть у меня и у мистера Миллингтона; у миссис Торнтон, экономки, тоже есть ключ. Все они на месте. И потом, разве мистер Миллингтон не говорил вам, что вчера мы обшарили и перетрясли весь дом сверху донизу? Точно кому из нас могло прийти в голову хранить при себе ворованное добро...

Я строго покосился на него и закончил осматривать второй – судя по всему, нетронутый – дверной замок. Все красивые лондонские гласные Тёрли к этому времени полностью растворились в водах реки Эйвон, на берегах которой раскинулся Бристоль. Я уже почти полюбил его за это.

– Да они стоят целое состояние, некоторые из них. Та миниатюра уж определено. А до этого, насколько я понимаю, у вас ничего никогда не пропадало?

– Никогда, сэр. Потому как никто из нас в деньгах нужды не испытывает. Особенно в

краденых. Там, внизу, еды у нас навалом, в год положено три выходных по болезни, на каждое Рождество получаем премии. И у всех нас есть семьи, которых надобно поддерживать, а каждый божий день в город просачиваются по десять тысяч ирландцев. Так что никто не рискнет быть уволенным, тем более – с волчьим билетом.

Ирландцы действительно наводняли Нью-Йорк; ощущение возникало такое, что в каждой капле этой волны было, как минимум, по какому-нибудь Доннелли или Маккейлу. Никто их не любил – за исключением, разумеется, демократов типа моего брата Валентайна, ведь ирландцы всегда голосовали за них. Но уж определено, что к домашней прислуге британского происхождения это не относилось – ведь их в любой момент за любую малейшую провинность могли вышвырнуть на улицу наиболее экономные хозяева. Я сочувствовал Тёрли. Его неприязненное отношение к ирландцам носило чисто практический характер, в отличие от злобной антикатолической паранойи, охватившей наше общество, от которой у меня просто волосы вставали дыбом.

Но еще в прошлом году ирландцы начали голодать, когда у них подошли к концу запасы картофеля. Зима еще не кончилась, а этот парень ничуть им не сострадал. У меня есть друзья среди ирландцев, есть сослуживцы-ирландцы, а потому я хорошо представляю, что это такое – экономить на еде. Мы с Валом однажды соорудили в котелке ужин из кашеобразной массы овощей, выданных нам из ресторанных запасов и объедков, пустили в ход зерна с недоеденных кукурузных початков в масле и три подобранных на улице каштана. Брат посолил все это, поперчил, разложил по тарелкам и украсил мое блюдо двумя каштанами, а свое – одним, и назвал все это салатом.

Как-то не слишком убедительно прозвучало.

– Ну, а когда вы запирали дверь, не заметили, что чего-то не достает?

– К сожалению, нет, да я и не присматривался. Последней в семье в эту комнату заходила миссис Миллингтон, после завтрака.

– А проникнуть сюда можно только через эти двойные двери или два окна – в том случае, конечно, если не было дубликата ключей... – Я отпер задвижку на одном из окон эркеров.

– Получается, что так, сэр. Но только вы, люди из полиции, можете понять, снимали с этого ключа дубликат или нет.

Я раздраженно, злясь на самого себя, прикусил нижнюю губу. Затем высунулся из окна, и лицо так и ожгло холодом. Стена здания, выходящая в проулок, была выложена из кирпича, вверх поднимался лишь один побег плюща, к тому же находились мы на втором этаже. Второе окно выходило на шумную Пятую авеню. Да, к окнам трудно подобраться, не оставшись незамеченным, к тому же оба они были заперты изнутри.

Я вернул задвижку на место и решил заняться тем, в чем был силен: разными историями и людьми, которые мне их рассказывают.

– У Миллингтонов есть дети? – задумчиво спросил я.

– Нет, детей нету. Два коронационных сервиза, дюжина уилтонских^[8] ковров, пять...

– Ну, тогда, может, у хозяина дома пагубные привычки? Азартные игры, женщины?

Тёрли насмешливо фыркнул.

– У него одно пристрастие, почти спортивное. Запускать невод туда, где водятся денежки, прямо как в косяк сардин. И он в этом деле преуспел, сами видите. В отличие от многих других.

– Ну, а миссис Миллингтон? Возможно, у нее есть долги?

– Муж выделяет ей на карманные расходы. Где-то около сотни в месяц, за исключением декабря. Тогда ей причитается двести. Ну, сами понимаете, праздники и все такое.

А что, очень даже удобно, если вдруг ей втемяшится в голову приобрести десятую по счету серебряную вазу в виде лебедя. Я покосился на девять лебедей, выстроившихся на каминной доске; у каждого создания торчали из горла бутоны фуксии, выращенные, по всей очевидности, в теплице.

А потом вдруг заметил нечто куда более занимательное. Над камином висело зеркало.

Не то чтобы я когда-либо страдал манией самолюбования, или нарциссизмом, и так уж любил разглядывать свое лицо. Да оно того просто не стоит. Но каждое лицо индивидуально, и я предпочитал, чтобы мое оставалось в целостности и сохранности. В зеркале отразились темно-русые волосы, разделенные на пробор и окаймляющие лоб, как два изогнутых крыла, суженный книзу подбородок с ямочкой в форме полумесяца, над ним – узкие четко очерченные губы, прямой нос, глубоко посаженные зеленые глаза. Но отчего-то при виде всего этого я вдруг ощутил тревогу; она волнами разошлась от висков к макушке. Так бывает, когда в пруд бросишь монетку.

– Ну, а прислуга в доме? – спросил я и отвел глаза от зеркала. – Кто они такие?

– Я. Всегда к вашим услугам, мистер Уайлд, – прошелестел он и стал загибать пальцы. – Миссис Торнтон – экономка. Агата – повариха. Ну затем Эйми, Грейс, Элен, Мэри и Роуз – горничные. Еще Стивен и Джек, они ливрейные лакеи. Потом еще Лили, она посудомойка. Это не считая кучера и конюхов, которые присматривают за лошадьми.

– Что можете рассказать о них? Что-то необычное, интересное?

Тёрли призадумался. В сердце моем вновь вспыхнула надежда, точно маяк в море.

– Агата по колену определяет, когда идет непогода, – ответил он мне с заговорщицким видом. – Всегда ужасно интересно. К примеру, этим утром оно у нее просто жуть до чего разболелось. А стало быть, нас ждут большие неприятности, мистер Уайлд.

Он даже не представлял, насколько большие.

Ко времени, когда я допросил всех слуг и с видом побежденного вышел затем на улицу перед домом 102, что на Пятой авеню, мне все же удалось узнать несколько любопытных фактов.

Во-первых, всю прислугу в доме охватила паника – каждый страшно боялся потерять место, – и они пустились в жуткие разоблачения. К примеру, Элен (горничная с первого этажа), эдакая серая мышка кокни, недавно с берегов Темзы, заявила, что миниатюру наверняка украла Грейс. Просто потому, что: «Да вы только посмотрите на нее! Сразу ясно!» По словам Грейс (горничной со второго этажа), низенькой чернокожей девушки, которая всегда стояла, аккуратно заложив руки за спину, украла сокровище Элен. Потому что Элен говорит чудно, все ирландцы говорят так чудно, и ВСЕ на свете знают, кто они такие, эти ирландцы. В ответ Элен обозвала Грейс наглой гулящей девкой, которая якшается с самым грязным цветным отрпьем в городе, а Грейс обозвала Элен маленькой тупой занудой, которая с радостью отдаст миниатюру за самую поганую шляпку, или просто продаст ее и купит себе на эти деньги женишка.

Я оставил обеих девушек в слезах, с ненавистью и страхом взирающими друг на друга через кухонный стол. У каждой стало одной подругой меньше.

На обратном пути я заглянул на постоялый двор на Пятнадцатой улице, где обосновался штат прислуги Миллингтонов, ведающий лошадьми. Выяснилось, что у Грейс действительно

имеется дружок, один из чернокожих конюхов, парень по имени Джеб. Он навевывался к ней каждый день и обещал жениться, когда соберет денег на покупку участка под ферму в Канаде. Белый кучер напоследок шепнул мне, что у Джеба мог быть мотив.

Что ж, вполне предсказуемо.

В наших краях черных обвиняют в воровстве чуть ли не каждые десять секунд или около того. Почти так же часто, как ирландцев – в колдовстве. Мне довелось трудиться бок о бок со многими черными, получившими свободу – в портах, на пристанях, в ресторанах и так далее, жить с ними рядом, и ни разу ни одного я ни в чем таком не заподозрил. Меня это просто бесит! Чернокожие наделены тем же неукротимым стремлением вкалывать, что и евреи, готовые шить по шестнадцать часов в день. К тому же в детстве я посещал дом приходского священника в Андерхилле, как бы сейчас сказали – настоящий рассадник пагубных идей аболиционистов.

А потому я счел все эти мои интервью бесполезными и продолжил размышлять.

И однако же... ни один человек из прислуги не сказал ничего такого, что меня удивило бы. Этот город играет со своими обитателями в смертельно опасную игру под названием «стулья с музыкой»^[9], и когда брэнчание пианино стихает, последствия для самого нерасторопного ужасные – или медленная смерть, или быстрая. А стульев здесь всегда не хватает. Мало работы, мало еды, мало стен с крышами над головой. Может, всего хватало бы, если бы наша территория занимала половину Атлантики. Но сегодня не хватает стульев для десятков тысяч иммигрантов, которые с надеждой толпятся в прихожей. И лишь один стул из дюжины помечен табличкой «ДЛЯ ЦВЕТНЫХ», и еще один из десятка – табличкой «ДЛЯ ИРЛАНДЦЕВ»...

Так что это еще вопрос, кто кого успеет вытеснить и занять свободное место.

Подкрепившись селедкой с картошкой в ближайшей закусочной, я вернулся к дому, чтобы продолжить свои изыскания; в том числе планировал покопаться с тревожно бьющимся сердцем в ящичках бюро миссис Миллингтон, пока сама она отправилась развозить пригласительные открытки.

Но миниатюры там не оказалось.

Я отправился домой и выпил три стаканчика рома. Полезная штука, доложу я вам.

И вот наступило утро 14 февраля. Погодка улучшилась, высоко в небе повисла тонкая и шелковистая серая дымка, и у меня возникло ощущение, что неплохо было бы прямо сегодня заскочить к дантисту и вырвать гнилой зуб.

Я сбросил простыню. Мои апартаменты располагаются прямо над пекарней миссис Боэм «Свежайшая выпечка», а потому зимой полы подогреваются снизу печами. Господь да благословит эту женщину; благодаря ей в комнатах у меня тепло, как в июне. Обставлены они наспех и скудно: старая кровать с балдахинном прямо у окна; столик на ножках в виде когтистых лап, который мой брат спас из пожара; стул, который я нашел на помойке; коврик, завалившийся на чердаке миссис Боэм. И, наконец, комод, который я, скрепя сердце, решил приобрести на четвертый раз, когда убедился, что в моих аккуратно сложенных тогах кипит бурная жизнь местных насекомых. Но комната не выглядит пустой – возможно, потому, что обои покрыты рисунками углем. Пребывая в волнении, я рисую на них разные сценки из жизни.

Я нарисовал множество сцен.

А в крохотном «спальном закутке» окон вообще нет. И я, с разрешения миссис Боэм, увешал там все стены полками. И на данный момент на них стояло всего пять книг. Но я

работаю над этим. Я привык пользоваться куда более богатой библиотекой.

Там проживал также не совсем обычный предмет, его вряд ли можно назвать книгой. Толстенная рукопись. Я писал в ней о том, что случилось прошлым летом, – куда лучшая альтернатива, чем выйти на площадь и орать об этом во всю глотку, надрывая легкие.

В августе прошлого года со мной на улице столкнулась молоденькая девушка, еще совсем ребенок, по имени Птичка Дейли. Она была храбра, напугана и вся в крови. И я просто не представлял, что же с ней делать, растерялся и смотрел на нее с тем же видом, с каким смотрят на сломавшуюся молотилку или раненого воробышка. Но я и сам был тогда сломлен, после пожара. Мир мой рухнул. И я заговорил с Птичкой не так, как обычно говорят с птенчиком-мэб, а она смотрела на меня не так, как смотрят на чудака, и мы сразу понравились друг другу. Она убегала из борделя, хозяйкой которого была Шелковая Марш – существо с красивым невинным личиком и золотистыми волосами, но при том совершенно бессердечное.

И вот я записал все это – не поддающееся описанию массовое захоронение в лесах, куда завела меня Птичка, и все остальное. Это ничуть не походило на написание полицейских отчетов – столь ненавистное мне занятие. Слова так и лились из-под пера, и внутричерепное давление при этом немного снижалось. Я пока что понятия не имею, что делать с этой стопкой бумаг, не знаю, почему не сжег рукопись сразу, как только поставил жирную точку в конце страницы. Но поступки людей труднообъяснимы, и я тут не исключение. Вот и лежит себе на полке.

Но мысли о Птичке продолжают меня посещать, вспыхивают, точно светлячки во тьме, и я этому рад. Мы с ней видимся довольно часто, и я еще больше радуюсь. Она куда как разумней меня. Но временами в воображении всплывает мадам Марш – сидит и улыбается, смотрит на меня. Не беззлобно. Но с абсолютным безразличием. Точно я некая сумма, которую надо подсчитать, или же рыба, которую следует выпотрошить перед тем, как зажарить на ужин. И когда я думаю о Шелковой Марш, то закрываю дверь в «спальный закуток», словно у рукописи, где о ней написано, есть скрытый глаз.

Короче, утром 14 февраля я чувствовал себя не в своей тарелке и сердито захлопнул страницы.

Одевшись, я спустился вниз и увидел миссис Боэм, которая с довольным видом раскатывала скалкой огромный шар теста. Он возвышался в центре стола, и от него исходил запах дрожжей и меда.

– Доброе утро, – сказала она, не поднимая глаз.

Эта привычка квартирной хозяйки редко одаривать меня взглядом утешала – точно я должен был находиться сейчас не здесь, а где-то далеко-далеко, и отсутствие удивления означало, что я на своем месте. Глаза у миссис Боэм слишком большие, слишком широко расставлены и блекло-голубые, цвета платья, которое слишком часто вывешивали на солнце для просушки; казалось, они преследуют меня повсюду. Всевидящие такие глаза. Теперь я могу взяться за медную дверную руку и выскользнуть из дома, а она продолжит раскатывать тесто. Волосы в свете тусклой газовой лампы кажутся седыми, но в них проблескивают светло-соломенные пряди, тонкие и похожие на золотистую дымку, окутывающую по весне зацветшую иву. И я обратился к прибору в центре ее головы.

– Доброе утро. А что это тут у вас?

– Хефекранц, – радостно откликнулась она. – Специальный заказ, от немцев, что по соседству. У них чей-то день рождения. Сахар, дрожжи, яйца. Очень сдобное тесто.

Заплетается косичками – и в печь. Мне нравится выпекать такие шлуки. Находите в том нечто порочное?

Как же умиительно. Моя квартирная хозяйка явно испытала пристрастие к сенсуалистской литературе. Ну и поэтому – к моей карьере тоже.

У выхода я подхватил с подноса посыпанную маком коврижку.

– Вот, никак не получается найти старинную миниатюру.

– Вы непременно найдете, – уверила она меня и с какой-то детской улыбкой снова принялась мугузить скалкой бледный ком теста.

Лишь через несколько секунд я сообразил, что плачу немалые деньги за эту самоуверенную улыбочку. Даже не понимая, насколько она мне нужна. А затем остановился и, моргая, уставился в небо.

Я понятия не имел, куда собираюсь идти.

И вот я уныло прошел по кругу несколько кварталов, миновал пивоваренный завод у Пяти Углов^[10], отбрасывающий мрачную чахоточную тень, и все это время прикидывал, стоит ли возвращаться в резиденцию Миллингтонов. А потом до меня вдруг дошло: знаю я одного человека, истинной страстью которого является поиск разных вещичек. Потерянные вещи для него все равно что священные реликвии, а визиты в ломбарды сродни церковным песнопениям.

Розыск пропавших вещей – вот в чем конек Джакоба Писта.

И я поспешил по Элизабет-стрит к месту обитания мистера Писта. Шел, радостно посвистывая, и совершенно не предполагал, что нам с ним предстоит столкнуться с самым завораживающим и необыкновенным человеческим существом.

По нраву своему негры веселы, податливы и ленивы; многие нации, входящие в эту расу, не отличаются высокоразвитым интеллектом и в самых экстремальных случаях могут быть причислены к низшей ступени развития человечества.

Доктор Сэмюэль Джордж Мортон^[11], «Краниа Американа», 1839

Я – редчайший представитель расы девиантов^[12] в Нью-Йорке; человек, который испытывает к политике то же отвращение, какое испытывает большинство людей, отскребая свинячье дерьмо, налипшее на подошву ботинок. Моя антипатия проистекает из того факта, что большую часть жизни я считал своего брата, который являлся не последним винтиком в демократической машине, существом презренным на сто процентов. Я ошибался – Вал был существом презренным лишь на три четверти. Но когда он пристраивал меня на работу, где носят медные звезды на лацканах, выяснилось, что единственным местом, где может служить его аполитичный брат, – это отделение Шестого округа.

Согласно условиям найма, все полицейские, в том числе и я, должны жить в том же районе, где располагается их отделение. И это страшно огорчало, поскольку до той поры я относился к этому району так же, как и все: старался по возможности не соваться в него. Теперь же, обосновавшись в двух уютных комнатках и пользуясь расположением квартирной хозяйки, которая каждый вечер наливала мне пивка даже без моей просьбы, я о другом жилище и не мечтал. И жил всего в нескольких кварталах от Гробниц. Впрочем, это вовсе не означало, что окружающая обстановка выглядела более сносно.

И вот в то утро, шагая к месту обитания мистера Писта, я свернул на Байард и наткнулся на парочку рыжеволосых птенчиков-мэб ирландского происхождения – на двоих у них было всего одна пара обуви. Та, что помладше, стояла, утопая бледными босыми ступнями в грязной и подмерзшей снежной каше на дороге, а на плечо ее опиралась сестра и стаскивала драные мокасины, чтобы передать ей.

Красные пальцы на ступнях – первый признак обморожения. Побелевшие означают, что дело обстоит куда как хуже. Эти девицы всем своим видом так и взывали к госпоже по имени Милосердие, которая должна была ринуться им на помощь, стиснув зубы и сжав кулаки, рискуя своим здоровьем ради спасения двух этих скелетиков с расширенными от ужаса зрачками, похожими на ружейные дула. И я в очередной раз подивился тому, как могут выжить манхэттенские птенчики-мэб без ее помощи. Однако я, словно набрав в рот воды и не дав им ни гроша, прошел мимо. Другие ирландцы в синих мундирах с медными пуговицами целыми толпами выходили из отделения в напрасных поисках хоть какого-то заработка. В большинстве своем даже без перчаток и без пальто. Выходили, движимые надеждой, точно люди, помогающие нести гроб к могиле, дрожа и поеживаясь от холода в прозрачном утреннем воздухе.

Мимо проплывали телеги, груженные рулонами разноцветной хлопковой ткани – это означало, что я дошел до Чэтем-стрит – или, как многие называли эту улицу, до Иерусалима. Здесь располагались бесчисленные ломбарды, принадлежащие голландским евреям; над

дверью каждого такого заведения были нарисованы три золотых шара. Человек-сэндвич, нанятый в мэрии и тащивший на себе вывеску «ОПАСАЙТЕСЬ ФИКТИВНЫХ АУКЦИОНОВ», поскользнулся, наступив на раздавленную колесом телеги крысу, от внутренностей которой все еще шел пар. Еще до начала существования полиции в нынешнем ее виде мой друг Джакоб Пист работал ночным сторожем и занимался поисками потерянных вещей, а потому шеф Мэтселл использовал его и еще нескольких владельцев лавок на Манхэттене как подручных, помогающих в поисках краденого. Впрочем, большинство лавок и магазинов на Чэтем респектабельны, как церкви. Здесь продают свечи, специи, ружья, побывавшие в употреблении, разного рода ювелирные изделия; попадаются и красивые, и кричаще безвкусные. Но лишь несколько из них специализируются по пропавшим вещам – предметам, исчезнувшим во мгновение ока.

И мистеру Писту они были знакомы не хуже, чем свои пять пальцев на руке, напоминающей клешню лобстера.

Я нашел его довольно быстро. На углу, где Чэтем соседствует с Перл-стрит, осторожно покосился в сторону и заметил огромные голландские сапоги. Поднял глаза чуть выше и увидел, что в сапоги эти вставлены тоненькие, как у креветки, ножки; потом еще выше – и увидел тощий торс в поношенном черном пальто. Над всем этим плавало лицо без подбородка, окаймленное хохолками седых волос. А еще выше – залоснившаяся по краям шляпа. К лацкану воротника приколотая медная звезда, к ней прилипла капля какого-то соуса – явление для мистера Писта вполне обычное.

– Мистер Пист! – окликнул его я. – Окажите одну услугу, много времени не займу.

Лицо патрульного так и расплылось в улыбке. Обойдя уличного торговца, продающего с лотка нитки, календари, камешки для игры, он приблизился и пожал мне руку.

– В любой день и час, мистер Уайлд. К вашим услугам.

– Тут на Пятой авеню случилось ограбление. Пропала ценная вещица, оригинал миниатюры Жана-Батиста Жака Огюстена, изображение пастушки. Может, покажете мне полку-другую?

Пушистые седые его брови встали домиком.

– Ну, конечно, да, обязательно. Из кожи буду лезть вон, лишь бы вы остались довольны. Вот только не пойму, что такое полка, мистер Уайлд?

– Ой, извините, это *брызги*, – сказал я и смущенно прикрыл рот ладошкой.

Я использую брызгальный язык – это арго воров, карманников и других криминальных личностей при раскрытии почти каждого преступления в нашем отделении. И когда говорю с единственным выжившим членом моей семьи, начинаю понимать, где я нахватался всех этих словечек. Поначалу этот стиль разговора служил своего рода шифром, но с каждым днем *брызги* все больше пробираются в наш обычный английский – настанет день, и вся страна будет называть сутенерш «мамочками», а нечистых на руку особ женского пола – воровками на доверии. К бортам великого корабля под названием «язык» вечно прилипает всякая дрянь, и даже самые низменные выражения вдруг становятся модными. Хотя неосознанное употребление жаргона лично у меня поначалу вызывало чувство неловкости. А Валентайну, произносившему все эти словечки, похоже, все было нипочем. Мне не хватало лишь обзавестись жилетом в мелкий цветочек и ходить с эквадорской сигарой в зубах.

– Просто всю прошлую неделю довелось общаться с шайкой головорезов-контрабандистов с Оранж-стрит. И мой нормальный американский словно испарился, – сознался я. – Ломбарды. Не могли бы вы поводить меня по ломбардам, куда обычно сдают

краденые картины?

– О чем разговор, мистер Уайлд? – воскликнул этот чудесный городской сумасшедший. – Я-то думал, у вас что серьезное. Как думаете, с чего лучше начать?

И он двинулся по улице, а я – следом. Торговля тут так и кипела, но сегодня в основном самым ходовым товаром были валентинки, что и понятно. В витрине «Тёрнер энд Фишер» красовалась огромная вывеска, предлагающая приобрести оригинальные вирши некоего анемичного хлюпика университетского типа, который выдавал «ПРОЗУ И СТИХИ НА ЛЮБОЙ ВКУС – ОСТРОУМНЫЕ, САТИРИЧЕСКИЕ, ЛЮБОВНЫЕ, КОМИЧЕСКИЕ, ИРОНИЧЕСКИЕ ИЛИ ЭНИГМАТИЧЕСКИЕ ВИРШИ». Я подумал, что мне и без того хватает в жизни Валентайна, так что нет, спасибо, не надо. И да разрази меня гром, если вдруг когда-нибудь мне придет в голову заплатить этому плохо выбритому недоноску за стихи, послать открытку Мерси и поставить под ними свое имя. А мистер Пист тем временем увлекал меня все дальше, к каким-то заведениям, откуда пахло затхлой одеждой и проржавевшим металлом.

Я был совершенно заворожен этим зрелищем. В каждом ломбарде от пола до потолка тянулись полки, и всем этим хозяйством заведовал обычно торговец, чья кожа напоминала пергамент, готовый рассыпаться, растаять, стоит ему выйти на солнце. Черепаховые гребни соседствовали с бритвами, ручки которых были украшены жемчужинами, и устрашающего вида ножами с изогнутыми лезвиями – откуда-то с Востока. Из каждой дырки и уголка торчали корешки книг. Пропыленные и заплесневелые тома были прислонены к чайникам, котелкам, лампам, часам, свалены в кучу у ног чучела гризли, на мохнатой шее которого красовалось жемчужное ожерелье.

– Ходят весьма тревожные сплетни о вашем конкуренте, что через дорогу, мистер де Грут, – громким шепотом заметил мистер Пист в одной из таких пещер. – Похоже, что мистер Дитшер, у которого, как мы оба знаем, нет ни совести, ни чести в отличие от всех остальных торговцев с Чэтем-стрит, недавно приобрел картину маслом. Совсем маленькую такую картинку, портрет пастушки кисти Жана-Батиста Жака Огюстена. Можете вообразить, что будет, если он вдруг станет продавать столь известное произведение и подвергнет тем самым опасности бизнес остальных?

– Похоже, этот Дитшер окончательно спятил, – заметил де Грут. – Но я ничего такого не слышал.

– Могу я тогда – ну чисто как покупатель, тем более, что скоро у моей любимой мамочки день рождения, – пролепетал старый хитрец с медной звездой, – взглянуть одним глазком на содержимое вашего сейфа?

– Natuurlijk^[13], – и де Грут улыбнулся во весь свой зубастый рот.

– Ik dank u vrendelijk^[14], – ответил мой друг.

И мы стали обходить все ломбарды. Де Грут, Дитшер, Смит, Эмерикс, Кикс и Джонсон – ни один из них ничего не слышал о миниатюре. В одной из лавок мы узрели довольно подозрительный серебряный чайный сервиз с монограммами. Но тут же выяснилось, что прежде он принадлежал биржевому маклеру – из тех, кто предпочитает быструю смерть в реке медленному умиранию от голода.

А что касается миниатюры, то ни малейшей подсказки о ее местонахождении мы не получили.

И вот, пройдя всю Чэтем-стрит до конца, мы остановились на краю этой язвы на лице Манхэттена, Сити-Холл-парка. Я был разочарован, Пист впал в глубокую задумчивость. По

правую руку от нас, над продуваемом ветрами зимнем пространством, лишенном смеха, листвы и вообще каких-либо достоинств, высились здания Сити-Холл и Архивного бюро. Но солнце стояло высоко в небе. Беспризорники, эмигранты и стопарики начали выползать из-под деревьев, где провели прошлую ночь, подниматься с каменных ступеней, лавок и ковриков сухой травы. К югу находился фонтан, который жарким летом являл собой пересохшую лужу, усыпанную трупами головастика; теперь он прыскал струями ледяной воды в лица прохожих, доставая до самого Бродвея. Звездочки, обычно собирающиеся здесь, подумал я, должны подыскать себе другое местечко для охоты – братки были склонны интимничать с другими братками, за обедом или за стаканчиком-другим рома. Поведение нью-йоркских фонтанов таинственно и необъяснимо. И носит садистский оттенок.

– Спасибо за помощь, – я приподнял воротник пальто и поправил шарф. – Похоже, этот поход не дал желаемых результатов.

– Да, ничего! Но нам повезло в другом. Здесь неподалеку, на Уильям-стрит, есть салун, где подают прекрасную солонину с одуванчиками. Поедим и все хорошенько обдумаем.

– Не смею больше отрывать вас от дел, – возразил я.

– У меня ночное дежурство, выхожу в шесть вечера, – бросил он через плечо, и пряди волос взлетали над головой серебристым фейерверком. – Моя смена только что закончилась. В десять. Так что времени у нас полно.

В «Американском салуне Кэлвери» вдоль стен на небольшом возвышении располагались частные кабинки. Вернее, то были альковы, вход в которые завешивали шторы из толстого коричневого бархата. Дешево и не слишком опрятно, зато солонина с тушеными овощами оказалась очень даже вкусной. На столике перед нами стояли две свечи. Мистер Пист отодвинул в сторону пустые тарелки и задернул поплотней покрытую паутиной штору.

– А может, все-таки кто-то из слуг? – хитро сощурившись, спросил он и принялся ковыряться зубочисткой в неровных, точно горный хребет, зубах. Какой артефакт он надеялся там отыскать, не знаю, но от души желал ему успеха.

– Возможно. Но только... вряд ли те, с кем я говорил, стали бы рисковать своим местом. Хотя... нет ничего невозможного. Я, как и любой другой, мог ошибиться.

– Ну, я на своем опыте успел убедиться – вы не любой другой.

– Как бы там ни было, но миниатюра исчезла. – Я опустил глаза и принялся чертить огрызком карандаша на обратной стороне меню план комнаты для музицирования. Наверное, просто от отчаяния. Рисование всегда помогало сосредоточиться. – На половине прислуги картины не нашли, стало быть, если это один из них, нас обманули. А эти ваши хозяева ломбардов – люди надежные?

– Да это все равно что шахматная партия, разыгрываемая сразу на шести досках. – Пист засунул по четыре пальца каждой руки в рукава пальто. – Но я знаю почти каждого из этих людей лет по пятнадцать. И говорю на одном языке и с голландцами, и с евреями. У меня, знаете ли, отец был евреем. Боюсь, что картину не стали продавать по обычным каналам.

Я, немного озадаченный, провел кое-какие подсчеты. Они несколько противоречили истории моего друга и пятнадцати годам, о которых он упомянул.

– А сколько вам лет? – несколько необдуманно спросил я.

– Тридцать семь. А почему спрашиваете?

Челюсть у меня отвалилась, а потом столь же быстро захлопнулась; наверное, в этот момент я походил на человека, которого под столом цапнул за ногу краб. Словом,

опростоволосился. Нет, конечно, работа в полиции старит человека, так же, как мореходство и труд на лакокрасочной фабрике. В двадцать восемь казалось, что впереди меня ждут только радости. Я начал подыскивать приемлемое объяснение своей промашке, но тут, к счастью, Пист обратил внимание на мой набросок.

– Вот уж поистине, мистер Уайлд, ваши таланты только множатся, – воскликнул он. – Прекрасная работа. Ну, а что сами Миллингтоны?

– Мистер Миллингтон сразу же обратился к шефу. И, похоже, был разочарован, увидев меня. А миссис Миллингтон... нет. Точно нет. Чисто декоративное приложение к дому.

– Стало быть, картину похитил невидимка, – усмехнулся Пист. – Призрак или привидение, ценящее изобразительное искусство.

Я улыбнулся этой его шутке. А потом вдруг вспомнил потемневшие боковины камина. Это мысль. Точнее, начало мысли, еще не успевшей толком оформиться.

– Мистер Уайлд?

Я закрыл глаза, потер пальцами веки. Это, скорее, инстинкт, нежели идея. Но в Нью-Йорке полным-полно невидимых существ. Мы проходим мимо них каждый день. Они молчаливы, как бульжник для мостовых, бесплотны, как запах в воздухе, или тени, отбрасываемые нашими величественными каменными монументами. Незаметны и невидимы. И это незаметное существо наверняка часто посещало ту комнату. Потому как наводить кое-где порядок требовалось по закону.

– Стена вовсе не была грязной! – воскликнул я и стукнул кулаком по столу. – Идиот... Ну, конечно, слуги протирают обои под картинами; если бы не стали, заплатились бы местом. Какой же я идиот!

Мистер Пист вытаращил глаза и походил сейчас на свежую креветку. Возможно, опасался, что я вот-вот взорвусь.

– Так стена, о которой идет речь, была чистой?.. – пробормотал он.

– Да, причем в середине месяца.

– Вы в порядке, мистер Уайлд?

– Грейс. Грейс одна из двух горничных со второго этажа. Ну, конечно же! Это все меняет. И если я прав – а я прав, – тогда...

– Вы вроде бы только что говорили, что никто из слуг не замешан.

– Не был замешан. – Я бросил на стол шиллинг, Пист сделал то же самое. – У меня появилась одна совершенно сумасшедшая версия. Скорее всего, я ошибаюсь, а вам сегодня днем не удастся вздремнуть. Но очень хотелось бы, чтобы вы пошли со мной.

И я двинулся в путь, от души надеясь, что он предпочтет поспать где-нибудь в тихом уютном местечке перед очередной сменой.

Напрасные надежды. Этот человек был столь же безумен, как амбарная сова в полнолуние. И мне следовало бы поблагодарить его за эту одержимость.

– Я, знаете ли, всегда был поклонником сумасшедших версий. Ведите, мистер Уайлд, – сказал Пист, и сапоги его с душераздирающим скрипом зашагали по дощатому полу. – Пусть мертвые спят, им просто нечем больше заняться. А преступления будут раскрывать доблестные полицейские из Шестого отделения!

Извозчик высадил нас у дома 102 на Пятой авеню в начале третьего дня. К этому времени небо затянулось серебристо-серой дымкой, напоминающей нутро раковины моллюска, и не нужно было быть семи пядей во лбу или страдать подагрой, чтобы догадаться

– скоро пойдет снег. Мы прошли мимо главного входа с унылыми грифонами, поскольку я не хотел встречаться с Миллингтонами. Мне нужен был Тёрли, лакей из Бостона, мой новый приятель, а потому пришлось обойти дом. Пист трусил следом за мной, подняв воротник пальто, – пронизывающий до костей вечер только усиливался.

Окрыленный надеждой, я позвонил в дверь для прислуги. Открыла Элен, горничная с первого этажа. Глаза, тусклые и круглые, как пенни, выражали явное неудовольствие. В том числе и самой собой, как мне показалось.

– Мне нужен Тёрли, Элен. Только тихо, никому ни слова, поняла? Надеюсь, все это скоро кончится.

– Правда, мистер Уайлд? – спросила она.

– Правда.

Она развернулась и унеслась прочь со скоростью зайца. Буквально минуты через полторы, воинственно ощетинив бакенбарды, появился Тёрли.

– Мистер Уайлд, вот неожиданность. – К нему вновь вернулся лондонский акцент; думаю, он просто не хотел рисковать и говорить, как подобает матросу, поскольку ушей вокруг было полно.

– Вот что, Тёрли, – тихо произнес я, – пожалуйста, не придавай значения вопросам, которые я буду задавать. Усёк? Я спрашиваю, ты отвечаешь, а потом забудешь об этом нашем разговоре.

– Можете не сомневаться, уж я-то умею хранить молчание, сэр.

– Премного благодарен. А теперь скажи, этот Джей, парень Грейс, он каждый день ее навещает?

Тёрнер раздраженно сощурился.

– Да, каждый. Приносит какие-то стишки, записки. Да только час назад притащил валентинку. И это среди бела дня, на глазах у меня и экономки... Впрочем, ведет себя вполне респектабельно.

– Ну, разумеется, как же иначе. А Грейс и Эйми отвечают за порядок в комнатах на втором этаже, в том числе и в музыкальной?

– Так, один момент, – резко заметил Тёрли, – у вас определенно сложилось превратное мнение о...

– Когда в последний раз чистили дымоход в комнате для музицирования?

Он впал в ступор.

Ньюйоркцам ненавистна угроза пожара. Особенно с тех пор, когда прошлым июлем выгорела половина центра города. Пожаров здесь боятся, как чумы, и по закону домовладельцы обязаны прочищать дымоходы не реже раза в месяц, за этим должен следить специально назначенный управляющий. Ну а самой прочисткой занимается целое подразделение тощих беспризорников, которые, похоже, стремятся навеки остаться детьми. Потому как лучшей работы в возрасте до двенадцати лет им просто не найти, а к тому времени, когда пискун вырастет и не сможет пролезать в столь узкие пространства, он уже не годится. Многие из них просто умирают на улицах. Трубочисты – это невидимки. Их не замечаешь, как муравьев. И еще трубочистами – Бог им в помощь – работают только цветные ребяташки. А если бы на этом острове появился белый трубочист, я б не отличил его от остальных.

– В домах прочищают каминные трубы или в середине месяца, или в первых числах, – пояснил я и понял по лицам Тёрли и Писта, что до них начало доходить. – Допустим,

прочищали дымоход в музыкальной комнате, и в это время Грейс отлучилась, ну, скажем, перемолвиться словечком с Джебом – она бы ничего такого не заподозрила. Да и почему, собственно?.. А потом, когда обнаружила, что миниатюра пропала... Нет смысла говорить вам, как это выглядело в глазах остальных. Черная служанка, черный трубочист; ценная вещь украдена, когда она отлучилась из комнаты.

– Девчонка подняла тревогу, но всем было ясно, что она о чем-то умалчивает, – прошипел Пист.

– Я нашел следы сажи на стене, в том месте, где висела картина. Поначалу подумал – это просто грязь. Глупость с моей стороны. Трубочист коснулся обоев костяшками пальцев, когда снимал картину, и она была такая маленькая, что он мог спокойно спрятать ее под рубашкой или же в сумку с инструментами, – заключил я.

Тёрли потер щеку тыльной стороной ладони. Перчаток на нем не было, и пальцы и лицо покраснели от холода.

– Позови Грейс. Если я прав, есть шанс, что мы сейчас покончим со всей этой ерундой.

Тёрли не спешил выполнять мое поручение. Похоже, не слишком доверял мне и боялся потерять место. Затем скрылся где-то в глубине дома. Мы ждали. Я молча рассматривал вымошенную камнем дорожку, мистер Пист поднял на меня глаза и усмехнулся.

– А что, если вам начать читать лекции о применении здравого смысла в сочетании с божественным вдохновением в работе полиции? – шутливо спросил он.

– Оставьте эти глупости, прошу, – пробормотал я и нетерпеливо начал приплясывать на месте от холода, но на лице против воли расплывалась улыбка.

Шли минуты. И вот наконец появились Тёрли с Грейс, и сердце мое сжалось при виде ее. Тёрли вывел девчонку во двор, бережно держа под руку, а сама она, бедняжка, так и дрожала всем телом, точно травинка на ветру.

Впервые за все время работы в полиции мне удалось кого-то напугать. Наверное, просто благодаря своей медной звезде. Отвратительное ощущение. Точно я пробудил в себе к жизни некое неведомое существо с зазубренными клыками и длинными острыми когтями. Мне хотелось отскрести эту отвратительную маску, хотя бы с помощью пемзы или специального скребка, и вновь оказаться простым невысокого роста парнем с кружкой пива в протянутой руке.

Но Грейс, судя по всему, было еще хуже. Да у меня самого в желудке заныло, точно от голода.

– Хотела прикрыть этого ребенка, – пролепетала Грейс. – Я не хотела ничего такого плохого, на Библии готова поклясться, что нет!..

– Мы не собираемся тебя арестовывать, – поспешил успокоить ее я.

– Мне никогда не найти работы без рекомендательного письма, вы не...

– Да успокойся ты, Грейс! – взмолился я. – Никто никогда ничего не узнает.

– Просто расскажи ему все, как было, Грейс, – сказал Тёрли. – Он не из тех, кто будет поджаривать честную девушку на углях.

Понадобились еще уговоры. Но если я что и умею в этой жизни, так это вытягивать из людей истории. Что же касается самих историй, тут я надежен, как сейф в банке. Ни разу не выдал ничьей тайны.

Трубочист, приходивший в дом на постоянной основе, вдруг разболелся, страшно кашлял на протяжении нескольких месяцев; и Грейс, будучи девушкой добросердечной, просто не могла выгнать его на улицу, где бы он умер с голоду. И уговорила Тёрли сохранить за ним

место. Но затем парнишка вдруг исчез – то ли угодил в больницу для цветных, то ли в благотворительный приют, то ли в сырую землю. И Грейс, в чьи обязанности входило контактировать с другими цветными, пришлось искать ему замену.

– Он стоял на углу с колокольчиком и кричал, – заговорила она, комкая в руках мокрый носовой платок. Кричать на улицах, рекламируя свой бизнес, дело полезное, хотя прохожие могут оглохнуть. Все от разносчиков свежего молока до точильщиков ножей и ножниц вопиют о своем ремесле по обе стороны дороги. – Шустрый такой клоп, аккуратный и ловкий с виду.

– Где он стоял? – спросил я.

Она покачала головой.

– Не знаю. Не помню.

– Но ты должна вспомнить, Грейс! – воскликнул Тёрл.

– Нет. Вы не можете отправить его в исправительный дом, мистер Уайлд. Ему там не выжить, он и сам того не понимает. Клянусь, никогда больше не стану приводить его в дом, обещаю.

Детей, виновных или заподозренных в преступлениях, полицейские должны были отправлять в это заведение. Мне самому за полгода службы доводилось исполнять это предписание раз сто, не меньше, хоть я и не считал, что порка плеткой с девятью узлами ничуть не способствует исправлению малолетних беспризорников. О том можно судить хотя бы на примере моего брата. А стоит только подумать, как близка была к этому моя маленькая подружка Птичка Дейли, как ее едва не похоронили за этими каменными стенами по наущению Шелковой Марш, в груди все так и сжимается от страха. Если б я мог смести с лица земли это чудовищное заведение, то считал бы, что прожил жизнь не зря.

– Ни разу в жизни не отправил ни одного ребенка в исправительный дом, – мрачно заметил я. – Так где, говоришь, ты встретила этого парнишку?

– Не заставляйте меня говорить. Но, конечно, поступил он не очень хорошо, но...

– Да я скорей руку себе отрежу, чем отправлю ребенка в исправительный дом, – я клятвенно приложил руку к звезде на лацкане. – Пожалуйста, Грейс. Скажи, где он просит, чтобы его взяли на работу?

Девчонка смотрела на меня широко распахнутыми испуганными глазами. Думаю, если б она смогла взять мокрую тряпку и стереть это воспоминание, как мел с доски, то так бы и поступила. У нее не было ни единой веской причины доверять мне. Но, с другой стороны, откуда ей было знать, что я не брошу ее за решетку в Гробницы за неповиновение? И вот, наконец, она выдавила:

– Да помоги ему Господь. Он, бедняжка, стоит на углу Восемнадцатой и Третьей авеню. Боже, спаси и избавь его от несчастий...

Голос Грейс звучал надтреснуто, точно она надорвала связки, а «несчастье» стояло прямо перед ней в лице копа с медной звездой. Перед тем, как развернуться и уйти вместе с Пистом, я обернулся и бросил:

– У меня нет доказательств, сама знаешь. Просто хочу потолковать с ним, вот и всё.

Тут вдруг Грейс грустно усмехнулась.

– Не получится.

– Это почему же? – спросил мистер Пист.

– Сами увидите, – ответила она.

А потом зарылась лицом в жилетку Тёрли, и все ее тело содрогнулось от рыданий. И тут

я понял нечто такое, чего не удавалось понять прежде.

Я был не первым копом, с кем довелось столкнуться Грейс. Или, возможно, просто услышать. Да, верно, она боялась нас, но за этим страхом стояло нечто более глубинное, врожденное, что ли. Меня охватила тревога; я пытался понять, что же именно, но говорить с ней сейчас об этом не было смысла. Мы зашагали к выходу, слыша за спиной рыдания Грейс и утешительное бормотание Тёрли. Вышли и увидели, что небо над головой приобрело грозный стальной оттенок.

Он спросил: «Ты раб на всю свою жизнь?» Я ответил, что да. Похоже, на доброго ирландца эти слова произвели глубокое впечатление. Он обернулся к своему спутнику и заметил, какая жалость, что такому славному молодому человеку суждено быть рабом до конца своих дней... И они оба посетовали мне бежать на север; сказали, что там я непременно найду друзей и что буду там свободен.

Фредерик Дуглас «Повесть о жизни Фредерика Дугласа, американского раба», 1845

Вскоре мы дошли до Третьей авеню. Резкие порывы ветра продували улицу со свистом, такой слышишь, разве что когда кучер взмахивает хлыстом. Третья авеню является расширенным продолжением дорожного полотна «макадам»^[15], и обстановка здесь какая-то более пасторальная, и улицы не защищены от ветра высокими домами, как на Пятой авеню. Народу тут всегда полно, поскольку Третья расположена на перекрестье самых разных путей. Омнибусы с грохотом катили к складам на Двадцать седьмой; закаленные американские мертвые кролики шустрили в поисках добычи и удовольствий; джентльмены важно восседали в каретах рядом с раскрашенными и пестро одетыми шляхами, похожими на райских птиц. Время от времени все возницы поглядывали на небо. Видно, любопытствовали, успеют ли добраться до нужного места до того, как повалит снег.

– Остается надеяться, что мальчишка сейчас не на работе, – заметил мистер Пист и ухватил за поля шляпу, собравшуюся взмыть в небо.

Я тоже очень надеялся. Но беспокоились мы недолго. Стоило только пересечь Семнадцатую улицу, как в свисте и вое ветра прорезался слабый звон колокольчика.

На углу Восемнадцатой и Третьей авеню стоял крохотный чернокожий мальчонка и звонил в колокольчик. Я бы дал ему лет шесть, не больше – впрочем, возраст вполне подходящий для начинающего трубочиста. Одет он был в угольно-черное пальто до пят. Обычно новички-трубочисты демонстрируют одну или обе ноги, показывая, что они у него не кривые, а потому падать в трубах им не доводилось, но у этого беспризорника шрамов вроде бы не было. По крайней мере, мы их не видели. Приблизившись, я заметил, что глаза у него воспаленные – красные, слезятся – и он часто моргает. Типичное явление, с учетом того, что работать приходится в пыли и саже. И тем не менее больные эти глаза продолжали постоянно выискивать потенциального нанимателя. Волосы в крутых завитках коротко подстрижены, никаких косичек, у ног лежит грязная метла на длинной ручке.

– Привет, – весело обратился к нему я.

Он забренчал колокольчиком еще громче и заулыбался. Но обмануть меня ему не удалось – я сразу понял, что мальчонка еле жив. Во всяком случае, истощен до крайности, о том говорили тоненькие запястья. Улыбка хоть и вымученная, но красивая.

– Доводилось чистить трубы в этих краях?

Кивок, длинные ресницы смахнули слезинки, выкатившиеся из карих глаз с покрасневшими белками.

– Знаешь, что это такое? – И я дотронулся до медной звезды.

Он пожал плечами. И тут меня словно крапивой ожгло. Мне приходилось постоянно напоминать взрослым о существовании такого органа, как полиция, уже не говоря об этом шестилетнем беспризорнике, живущем в каминах. Вспомнились слова Грейс, сказанные на прощание.

– Ты говорить умеешь? – спросил я.

Он отрицательно замотал головой, потом приподнял подбородок и поднес колокольчик к уху.

– Так, ясно. Я понял, что ты меня слышишь. Но ведь ты немой, верно?

Мальш скроил скучающую мину. Она словно говорила: да вам-то, черт побери, какое до этого дело? Мы с Пистом переглянулись.

– Да, тогда допрашивать его будет настоящей морокой, – заметил Джакоб.

Нахмурившись, я пытался сообразить, какую следует применить тактику. Ясно, что ребенок никогда не жил в специальном заведении, где обучают языку глухонемых. И даже если б кто-то и озаботился показать ему буквы, я бы наслушался от него разных небылиц – к примеру, о бродячих свиньях, перелетающих через Гудзон. Скажи нам, где миниатюра. Ты не крал в последнее время никакой картины? Мы не сделаем тебе ничего плохого, но абсолютно уверены, что именно ты стащил миниатюру Жана-Батиста Жака Огюстена. Все это звучало как-то слишком грубо, прямолинейно... да нет, просто смешно. И тогда я присел перед ним на корточки.

– Скажи, ты любишь живопись? – спросил его я. – Ну, разные там картины?

Колокольчик умолк. Затем с какой-то детской радостью – через месяц, даже меньше, от нее не останется и следа – мальчик закивал.

– Какие картины?

Он быстро опустил колокольчик на землю. Затем прямо передо мной нарисовал пальцами квадрат и приложил к нему ладонь. Затем словно из воздуха в этой «раме» материализовалась ваза, и он снова приложил к рисунку ладонь. А затем широко раскинул руки, словно обнимая все и вся вокруг, вскинул ладонь, показывая, что закончил, и уставился на меня, склонив курчавую головку набок.

Я обернулся к Писту и спросил:

– Вы все поняли? – И почувствовал, что голова у меня закружилась.

– Полагаю, мистер Уайлд, лучше будет сказать, что понял, – ответил тот с восторгом и едва ли не благоговейным трепетом.

– Я тоже очень люблю живопись, – сказал я пискуну-трубочисту. – Картины с вазами и все такое прочее. Вообще всякие картины.

И при этом постарался подпустить в голос как можно больше искренности и дружелюбия. Мне в жизни довелось встречать самых странных и необычных людей, но еще ни разу я не видел беспризорника, который изобрел собственную версию языка жестов. И еще на редкость понятливого.

– Когда-нибудь видел, как рисуют картину?

Ответ был отрицательный. Он с тоской и сожалением покачал головой.

– Хочешь, я тебе покажу?

Метла и колокольчик отлетели в сторону – с такой резвостью он бросился ко мне.

– При вас случайно нет записной книжки, мистер Пист?

Через секунду на колене у меня лежал листок бумаги, а в пальцах был зажат огрызок

карандаша. Мальчик подошел и с интересом наблюдал за моими действиями. Честно признаюсь: я сразу понял, что забросил крючок с наживкой, от которой рыбка будет просто не в силах отказаться. Мне нужно было вернуть миниатюру Жана-Батиста Жака Огюстена; мне хотелось доставить пусть и недолгую, всего на десять минут, радость этому мальчугану. Возможно, оба эти намерения были совершенно искренни, но нельзя сказать, чтобы чисты. Как бы там ни было, но я очень быстро завершил портрет трубочиста.

Тот поднял голову и удивленно, даже восторженно смотрел на меня глазами с припухшими веками.

– Ну, как тебе, нравится? – спросил я.

Мальчик провел кончиками пальцев по лицу, ощупал выпуклый лобик, полные, слегка выпяченные губы, провел сверху вниз по курносому носу. Зеркала не было, но такому сообразительному ребенку оно и не нужно. И во время этого обследования улыбка его становилась все шире.

Думаю, что я еще никогда не гордился так своим умением рисовать, как в тот момент. При других обстоятельствах этот трюк был бы бесполезен.

– Самое потрясающее произведение искусства, которое мне доводилось видеть, – восторженно заявил мистер Пист.

Грязные пальчики порхали над листком из блокнота. Я отодвинул рисунок, мальчишка придвинулся ко мне и просительно заглянул в глаза. Он так и дрожал от желания и нетерпения, и я угадал, а не услышал его вопрос.

– Ладно. Он твой. Но бесплатно ты его не получишь.

Он схватил метлу и колокольчик.

– Нет. Камина у меня нет, так что и чистить нечего. Я ведь уже говорил, что очень люблю живопись. Вот тебе картина. А теперь покажи мне какую-нибудь другую, на которую ее можно обменять. Есть у тебя что-то стоящее?

Тут личико его словно озарилось – такую неподдельную радость можно наблюдать лишь у маленьких детей. До того, как между жертвой и мучителем будет проведена разграничительная черта, до того, как страдание станет следствием жестокости. До того, как хитрые взрослые заставят приобрести дешевую побрякушку.

Мальчишка вихрем помчался по Третьей авеню, не обращая внимания на плотное движение; мы поспешили следом. Писта едва не переехал двухколесный экипаж с местами для собак под сиденьями, переделанный в открытое ландо; в нем сидели дамы в темных мехах и попивали шампанское. Один раз пришлось остановиться посреди дороги и пропустить омнибус,двигающийся на большой скорости. Но все мы трое вышли из этой гонки целыми и невредимыми. Мальчишка свернул к северу и бежал по краю дороги; мы с трудом поспевали за ним, раскидистые ветви дубов отбрасывали темные тени в молочно-белом воздухе.

Миновав десять – двенадцать кварталов, мы покинули город и оказались практически в сельской местности, центром которой являлся Бельвю Алмхаус. Мы почему-то имеем привычку загонять наши благотворительные институты как можно дальше от центра города – в отличие от заведений, демонстрирующих пороки, сравнимые по разнообразию разве что с цветами радуги. Лишь фанатичные реформаторы осмеливаются выходить здесь на улицы, как, к примеру, делала Мерси – шла себе, перекинув корзину через плечо, с убийственным спокойствием в глазах. Ко времени, когда мальчишка свернул с Третьей в эти леса, все улицы, пересекающие авеню, были уже немощеными. Окрестности все больше приобретали

характер «решетчатого дизайна» – квадраты лесных участков чередовались с пробелами пустырей; последние бросались в глаза, напоминая незаполненные страницы дневника. Теперь под ногами у нас из земли выступали корни деревьев, а стройные вязы и клены росли как попало, а не ровными рядами. С голых веток – они четко вырисовывались на фоне размытых холодных красок неба – кричали птицы; стали попадаться и разные мелкие дикие животные, бросающиеся в заросли засохшего папоротника при нашем приближении. Один раз мне даже удалось разглядеть рыжий кончик лисьего хвоста – плутовка пронеслась по голой нервной земле в поисках пищи и пристанища на ночь.

Перед нами мелькала крохотная черная фигурка; она летела вперед, точно камешек, выпущенный из рогатки. набросок, силуэт мальчишки, продирающегося через кустарник.

Я, разумеется, не имел ни малейшего понятия, чего от него ожидать. Но когда он достиг цели, даже заморгал от удивления.

– Бог ты мой, – тихо пробормотал мистер Пист.

Судя по густым восковым листьям плюща и толстым коричневым его стеблям, обвившим каркас, угодила в аварию много лет тому назад карета, ехавшая по Третьей авеню из центра к окраине. Наверное, лошади чего-то испугались и понесли. Такое тогда часто случалось. И лошади угодили в еле видную канаву на болотистом участке, поросшем сорной травой, в заброшенном месте, неподалеку от Ист-Ривер. Не было смысла гадать, по какой причине тогда владельцы так и оставили карету там. Задняя ее ось выступала под косым углом сквозь опавшую сухую листву. И даже если в этой аварии человеческих жертв не было, по состоянию кареты можно было судить, что пострадали лошади. Ни одно существо на свете не кричит так страшно, как умирающая лошадь. Этот жуткий крик словно пронзает все твоё существо насквозь всякий раз, когда его слышишь. Нет, видно, карету сочли тогда негодной для дальнейшего использования. Но затем она все же пригодилась.

Трубочист подскочил к ней и радостно распахнул двойные дверцы.

– Мать честная, – прошептал я.

Чего там только не было внутри! Целая выставка. Весь пол уставлен ярко-синей керамической и фарфоровой посудой с отбитыми краями и трещинами; с гвоздиков обшивки свисают на веревочках осколки зеленого стекла; выставлены и отдельные предметы – в том числе керамическая роза с отбитыми краями, на обветшавших и грязных подушках сиденья красуется большой кусок речного гранита с искристыми вкраплениями. Тут были старые хрустальные подвески от люстр, сломанные пресс-папье, изящная бутылка из-под французского ликера – настоящий музей выброшенных за ненадобностью и давно позабытых владельцами предметов. Наверное, подумал я, до того, как присоединиться к полку городских трубочистов, мальчишка жил где-то поблизости. Вполне возможно. Но узнать, так это или нет, мне не суждено. На бездомных детей в наших краях обращают не больше внимания, чем на муравьев под ногами.

А в витрине, небольшом стеклянном ящичке, прислоненном к противоположной от входа дверной панели и украшенном ниткой дешевых янтарных бус, приютилась среди этих *pièce de resistance*^[16] миниатюра кисти Жана-Батиста Жака Огюстена. Слегка склонив головку набок на фоне скандально розового летнего заката, на нас кокетливо взирала пастушка. Изгибы пальчиков и грудей игриво перекликались, и еще казалось – она вот-вот признается в чем-то прекрасном и необыкновенном, и как раз подбирает слова восхищения, пробует их на вкус.

Трубочист с торжествующим видом указал на нее.

Я протянул руку и вытащил миниатюру из ящичка с желтоватыми стеклами. Тут мальчишка напрягся от волнения. Я уселся на подножку кареты, снял широкополую шляпу, положил ее на колено.

– Эта картина из дома на Пятой авеню. Это ведь ты чистил там каминную трубу?

Он протер глаза грязными от сажи руками. Потом поднял голову и посмотрел, но не на меня, на миниатюру.

– Тебе не мешало бы знать, парень, что это называется воровством. Почему ты украд чужую собственность?

Он яростно замахал маленькими кулачками в воздухе. Нанес около дюжины ударов в разных направлениях, затем развел руки, словно пытаясь объять необъятное, а в конце этой пантомимы стал удрученно, даже отчаянно ломать пальцы.

– Понимаю, у них полным-полно произведений искусства, и они толком не знают, что с ними делать. Мне страшно жаль. Но у этой картины уже есть дом.

Я заслужил сарказм и злобу, промелькнувшие в его воспаленных глазах. Он так и ожег меня этим взглядом. Я обманул его, только сейчас мальчик осознал это. И, что еще хуже, я прекрасно понимал; любить нежную и юную пастушку будут куда более страстно в этой полуразвалившейся карете, чем в том снобистском складе произведений искусства на Пятой авеню. Лучше б уж никогда в жизни не слышал я этой фамилии, Миллингтоны, богом клянусь!

Вывав листок с наброском из записной книжки, я протянул его насупившемуся мальчишке, который стоял и носком ботинка пытался проковырять ямку в мерзлой земле.

– Вот, держи. Портрет твой. И еще я не собираюсь наказывать тебя за кражу. Но только обещай, что никогда больше не будешь этого делать. Собирать всякий мусор – это одно, но воровство тебя погубит. Будем считать, что ты украд произведение искусства в первый и последний раз.

Пискун потянулся к портрету. Вполне вероятно, считал, что лучше уж иметь хотя бы мою картину, нежели вовсе никакой. Он быстро сделал выбор.

– Нет, сначала пообещай, – продолжал настаивать я.

Мальчик пообещал – сердито пожал плечами. Затем отер слезы рукавом.

– Как тебя звать? – спросил мистер Пист. – Я Джакоб Пист, а это Тимоти Уайлд.

У мальчишки вытянулось лицо. Он заморгал, уставившись на покрытую мхом спицу в колесе, потом решительным жестом сунул руки в карманы.

Я подумал, что он сирота. Только мы, сироты, бываем столь независимы и серьезны, точно вам говорю. Но мы с Валом, по крайней мере, осиротели позже, и знали свои имена – неважно, что, кроме них, у нас больше ничего не было. И были уже достаточно взрослыми, чтобы помнить семью, давшую нам имена. Ведь зачастую имя делает человека. Представить себя на месте мальчишки, у которого украли столь личностный атрибут, просто невозможно.

– Тебя ведь как-то называют? Ну, хотя бы здесь, где ты живешь, – заметил я. – Как зовет тебя твой хозяин, начальник трубочистов?

Тут он содрогнулся всем телом. И на лице его возникла такая гримаса, точно больше всего на свете ему хотелось в этот момент вылезти из собственной шкуры.

– Ладно, неважно, – поспешил заметить я. Просто не в силах был видеть это выражение на его лице, от которого сжималось сердце. – А как бы ты хотел, чтобы тебя звали?

Ресницы, пропыленные и густые, затрепетали, точно крылья. И губы он теперь уже не сжимал так плотно.

– Гениальная идея! То, что надо, – закивал мистер Пист.

– Да пошел он к чертям собачьим, этот твой начальник. Это имя будет принадлежать тебе навеки. Ну, попробуй, придумай себе самое крутое имя на свете!

Мальчик призадумался. Довольно долго стоял с мрачным замогильным видом, поджав губы. А затем личико его озарилось, и он указал на пастушку с картины.

– Мужчина, который ее нарисовал? Его звали Жан-Батист Жак Огюстен, – сказал я.

Маленький трубочист закрыл глаза и словно перебирал все эти звуки в уме. А меня вдруг охватил приступ необузданного счастья. И радость эта была сродни резкому порыву ветра, от которого вдруг распахиваются небеса, прежде затянутые серыми тучами. Никогда не забуду взгляды, которыми мы с мистером Пистом обменялись секунду спустя. Теплыми и понимающими – так смотрят мужчины, передающие друг другу флягу с выпивкой. И все благодаря этому маленькому трубочисту.

– А как тебе имя Жан? Нравится? – спросил я.

По улыбке, которая просто преобразила чумазое личико, словно месяц выбрался из облаков и засиял на небе, я понял, что определенно нравится.

– За Миллингтонов! – провозгласил мистер Пист у меня в кабинете, подняв кружку с джином. – И за пути и дороги старого Готэм-сити! За щедрые вознаграждения и тех, кто их выдает!

Все мы трое поспешили выйти из леса, как только крупные снежинки закружили в вечернем воздухе. Перешли Третью авеню тем же почти самоубийственным образом, что и раньше, огибая канавы и уворачиваясь от бешено несущихся фургонов. Я смотрел, как оседает снег на мостовой, и думал об именах, их неоспоримой важности для их владельцев, и испытывал почти детский восторг. Мы отметили крещение Жана-Батиста, купив ему огромную порцию холодца из бычьих хвостов.

Конечно, было бы лучше угостить его каким-то горячим блюдом, но не получилось. Дети вообще существа замечательные: сломя голову проносятся самыми опасными путями в диких местах и раздражаются при этом громким хохотом – прямо сердце замирает при виде того, что они вытворяют. И мне больно видеть, как город постепенно превращает их в тощих, высоких и мрачных животных. Жан-Батист был существом невинным и умел радоваться самой малой малости. И мне хотелось бы, чтобы он сохранял эти свои качества как можно дольше, а не какие-то там недели две или около того. Но взять на себя такую миссию – разыскивать и пристраивать каждого бездомного сироту-трубочиста, было бы равносильно тому, что опуститься на колени на берегу и стараться повернуть Гудзон вспять силой воли и одним мановением руки. К тому же этот хотя бы не был безработным. И еще он был не один, наверняка существовал в компании таких же пискунов, пусть его там и не любили и не всегда подкармливали. Я остановился у дверей какого-то низкопробного салуна, пожал мальчишке руку, мой компаньон сунул ему шиллинг – на том и расстались.

Мы с Пистом вернулись к дому на Пятой авеню, постучали в дверь для прислуги и отдали картину Тёрли. Он исчез где-то в глубине дома, затем вернулся с кошельком на шнурке.

– Разве не знали, что вам полагается вознаграждение? – спросил он, заметив мой недоуменный взгляд.

И вот мы с Пистом по-братски разделили пятьдесят долларов – вознаграждение за умение разыскивать пропавшие вещи, – и он тут же купил бутылку голландского джина,

весьма подозрительного на вкус. Напиток обжигал горло, тепло приятно растекалось по желудку, но на вкус он отдавал ржаным хлебом, а не можжевельными ягодами.

Никогда еще моя маленькая пещерка в Гробницах не казалась такой уютной. За толстыми стенами жалобно завывал ветер, точно волк, задравший морду к небесам. Я оказался достаточно состоятелен, чтобы купить около тридцати подержанных книг, заплатить миссис Боэм за одолженный мне ковер, и еще немного осталось. Я был опьянен своим профессиональным успехом. Мерси Андерхилл находилась в Лондоне, а это означало, что она, очевидно, всем там довольна. И еще на улице густо валил снег, так что я не слишком беспокоился, что пожарной части, где служил брат, придется бороться с пожаром в доме, в результате которого я остался бы одним-единственным в Нью-Йорке Уайлдом.

Словом, я был почти что счастлив. Нельзя сказать, что это ощущение слишком часто меня посещало.

– За Миллингтонов, – мы с Пистом чокнулись кружками. – Хотя, честно сказать, не горю желанием встретиться с этими людьми снова.

– Да перестаньте, – усмехнулся он. – Мы должны рассматривать Миллингтонов в свете их щедрости по части вознаграждения. К тому же маловероятно, что они когда-нибудь обратятся к нам снова...

– Я вел себя просто подло, – заметил я. – По отношению к Жану-Батисту и его артистической натуре.

– Нет, вы только послушайте его! – воскликнул мой друг и подлил джина в кружки.

– За пастушку, – добавил я. – Кем бы она там не была. Бог ты мой...

Гогоча самым отвратительным образом, мистер Пист одним махом осушил кружку.

– А не поспать ли вам, дорогой друг?

– Да надо бы! – воскликнул он. – Да, мистер Уайлд, да! Но мне так редко выпадает честь работать с копами... прошу прощения, с полицейскими, которые способны уловить разницу между задницами и ресницами этих самых пастушек... Я впечатлен. Последний раз, когда я...

Тут дверь распахнулась настежь.

Перед нами стоял женщина невероятной красоты. Кожа волшебного золотистого оттенка прекрасно сочеталась с серо-зелеными глазами и волосами густо шоколадного цвета – наверняка на улице к такой красавице прикованы взгляды не только мужчин, но и женщин. Да что там – всей вселенной!

– Мне нужен полицейский, – сказала она.

Какой там полицейский. Ей нужно было чудо.

Вскоре мы усадили ее за стол, с кружкой в дрожащей руке. Она явно испытывала ни с чем не сравнимый ужас, казалось, его можно было ощутить на вкус – насыщенный, липкий и неотвратимый, как медленная смерть.

Когда я спросил, что именно у нее украли, ответом было: «Мою семью». Жуткая эта фраза так и повисла в воздухе на несколько секунд.

– Что-то не совсем понимаю... – пробормотал я.

– Сестру и сына, – выдохнула она. – Делию и Джонаса. Они исчезли. Делия живет со мной, когда мой муж в отъезде. Ему приходится много ездить, такая работа, а Делия... она присматривает за моим...

Тут оловянная кружка со стуком упала на пол – она закрыла лицо обеими руками. Плечи затряслись в такт неровному дыханию, отчаяние волнами разливалось по комнате, как круги

на воде от брошенного камешка.

– А вы пробовали искать... – начал было мистер Пист.

– Мне нужны вы, мистер Уайлд, – сказала она и так и пронзила меня взглядом.

Демонстрировать понимающий вид уже почти что не было сил, но признаю, эта ее фраза меня просто потрясла.

– С чего вы так решили?

– Просто знаю, кто вы и что сделали. Вы должны мне помочь. Только у вас получится.

Я уже было приоткрыл рот, чтобы ответить: ну да, разумеется. Но вовремя спохватился. В голове продолжали крутиться колесики и винтики, я судорожно пытался сообразить. Я понятия не имел, о чем это она.

– Они крадут людей. – Глаза ее, сверкающие яростью и отчаянием, наполнились слезами. – Нельзя терять ни минуты.

– Но каким образом...

– К тому времени я уже должна была быть дома. Тогда бы они и меня похитили, и вы никогда бы об этом не узнали. Я пришла домой и увидела: Мег, моя кухарка, связанная и с кляпом во рту, лежит на полу в кладовой, а семья исчезла. Мег им была не нужна, она хромот на одну ногу, какой от нее им прок. Тогда я спустилась в холл и спросила полицейского, как найти Тимоти Уайлда, вот он и дал мне этот адрес.

– Я рад, что именно так вы поступили, но...

– Вы спасли Джулиуса Карпентера. – С этими словами она вскочила и вцепилась в лацканы моего пиджака.

Только тут я понял наконец две вещи.

Мой приятель Джулиус Карпентер, очень сообразительный и приятный цветной парень, торговец устрицами, с которым я работал еще в бытность свою барменом, угодил прошлым летом в нешуточные неприятности. Какая-то шайка полуголодных ирландцев вбила себе в голову, что неплохо было бы сжечь его живьем, просто так, ради забавы. Я категорически не одобрил эту идею и сделал все, чтобы этого не случилось, и тогда меня тоже едва не спалили, в отместку. У них почти получилось, и я собственными глазами видел, как Джулиус спас меня от огня во время пожара в городе – прислал моего брата выкапывать меня из-под дымящихся руин. Короче, оба мы с Джулиусом оказались тогда на должной высоте, иначе были бы уже мертвы. Но это лишь половина тайны.

Вторая половина была вроде бы более очевидной. Мне всего-то и надо было, что приглядеться повнимательней.

Люси Адамс, с ее медового цвета кожей, серыми глазами в зеленую крапинку и роскошными волнами блестящих каштановых волос, вполне могла сойти за итальянку по происхождению. Но могла быть и испанкой, лишь акцент выдавал североамериканское происхождение. И все равно она могла бы оказаться экзотическим плодом любви, ну, допустим, матери из Уэльса и отца-грека, или же сицилийца и шведки. Но все эти комбинации не про нее. Я с таким запозданием догадался о причине охватившего ее душераздирающего ужаса лишь потому, что не подумал о ее происхождении. Мне было как-то все равно.

А вот Люси Адамс было очень даже не все равно. Потому как Люси Адамс была цветной.

Даже не кварталонкой. В жилах ее, как я догадывался, текло гораздо меньше негритянской крови. Наверное, всего одна восьмая. Самая малость. Но все равно она

считалась цветной. С принятой в обществе точки зрения. Вполне легальной.

Теперь-то я наконец понял, почему она обратилась за помощью именно ко мне. Нет, примерно половина моих сослуживцев, парней с медной звездой, – люди вполне порядочные, вторая же половина – истинные злодеи. А отлов рабов и торговля ими – потому как речь сейчас шла именно об этом – деяния незаконные.

И этими делами должны заниматься органы охраны правопорядка.

Я снял ее руки с лацканов, но не выпустил из своих рук.

– Все мы, насколько я понимаю, свободные граждане Нью-Йорка.

– Вообще-то мы родом из Олбани. Мои дедушка с бабушкой купили себе свободу шестьдесят лет назад. Тогда работорговцам было на это плевать, и без того хватало возможностей прилично зарабатывать. Делия и Джонас стоили бы на этом рынке...

– Как давно они пропали?

– Два часа тому назад.

– А сколько лет вашему сыну?

– Семь, – скорбно выдавила она.

– Как бы там ни было, но он сейчас не один, а с вашей сестрой. И мы скоро найдем их.

Мистер Пист, я, конечно, не имею права просить вас присоединиться, но...

– Если я доложу шефу о нашем сегодняшнем успехе, думаю, он освободит меня от вечерней смены и разрешит помочь вам, – ответил Джакоб, убирая кружки в ящик маленького письменного стола.

– Буду страшно признателен. Куда мы направимся, миссис Адамс?

– В комитет. Дом расположен по адресу: Уэст Бродвей, восемьдесят четыре, это между Чемберс и Уоррен. Стучать шесть раз, сэр, два стука быстро, один за другим, потом небольшая пауза.

Мистер Пист махнул рукой и поспешил к шефу. И оставил меня в полном недоумении. Я никак не мог понять, что за комитет такой, черт возьми, и какова температура в котле с горячей водой, в который я только что угодил. Миссис Адамс взяла меня под руку, и мы вышли следом за Пистом. Торопливо зашагали гулками каменными коридорами этого огромного здания, где располагались не только полицейские участки, но и тюрьма, и залы судебных заседаний, и я изо всех сил старался, чтобы она не поскользнулась и не нырнула вниз головой с лестницы в своих промокших насквозь туфельках.

А затем произошло нечто неожиданное.

Внизу у выхода стоял плотного телосложения рыжеволосый полицейский по имени Шон Малквин, стоял неподвижно и не сводил с нас глаз. А глаза его были сощурены с присущей ирландцам подозрительностью. И поддержка у него имелась – прежде я часто видел его в той же компании – в лице огромного черноволосого ирландца и типичного выходца из Новой Англии, парнишки с юным румяным личиком, оба они служили в шестом отделении полицейскими инспекторами. Ну и я кивнул Малквину, мы были знакомы. Всякий раз, когда он со мной заговаривал, почему-то казалось, что он в любой момент не прочь пустить в ход кулаки.

– Ваша подружка, мистер Уайлд? – осведомился он.

– Жертва преступления.

– Ах, вон оно что. Ну, тогда вам лучше поспешить. Желаю удачи, – в голосе его звучала нескрываемая насмешка.

– Доброй ночи, – бросил я.

Мы вышли из этой гранитной крепости и оказались на улице, в почти полной темноте. Миссис Адамс еще крепче вцепилась мне в руку, и мы сошли со скользких ступеней на булыжную мостовую. Рядом стояли два газовых фонаря, все остальные не горели – кто-то разбил камнями стекла. И вот мы поспешно зашагали по Уэст Бродвей к югу. Снег, успевший нападать в освещенных местах, казался таким волшебным белым, невинно чистым. Осколки стекла в фонарях грозили вот-вот выпасть и разрезать человека на ленточки.

– Почему вы так уверены, что это дело рук охотников за рабами? – прокричал я сквозь завывание ветра. – Они вам угрожали?

– Нет. Да и ни к чему им было угрожать. Я долгие годы опасалась, что этот момент рано или поздно наступит.

– Это почему?

– Ответ очень прост, мистер Уайлд. – Она плотнее стянула меховую горжетку у высокой стройной шеи. – Меня уже однажды похищали.

Я торопливо и неловко, насколько позволяли пути, обшарил карманы и убедился, что у меня украли не только свободу, но и деньги, и документы на освобождение! И только тут начала сформировываться догадка, поначалу неясная и путаная, что меня попросту похитили. Нет, это просто невозможно, невероятно! Должно быть, какое-то глупое недоразумение или ошибка. Подобное просто не могло случиться со свободным гражданином Нью-Йорка, который за всю свою жизнь ни разу никого не обидел, никогда не нарушил ни одного закона. Разве можно обходиться с ним столь бесчеловечным образом?

Соломон Нортан. Двенадцать лет рабства, 1853

К югу от центра нашего города лежит земля, которую, в отличие от нашей, вполне возможно себе представить. Страна полей с буйной и сочной растительностью, нежно побрякивающими колокольчиками, преисполненная непринужденной благодатью и с туманными ночами, которые словно нашептывают тебе что-то на ухо, обдавая теплом шею, точно дыхание возлюбленной. Говорят, будто там растут поросшие мхом деревья, ветра почти нет, а небо всегда голубое. И что будто бы на этой земле процветает ремесло, подобное открытой ране, раковой опухоли на теле нашего общества.

Мы не слишком часто думаем об этой земле. А большинство – так вообще не думает. Словно это некая отдельная независимая страна.

Здесь, в Нью-Йорке, я встречал много южан. Наливал им неразбавленный бурбон, летом добавлял в стакан воды мяты, говорил с ними о книгах, о лошадях, о торговле. Некоторые из них были людьми добрыми и гостеприимными, могли устроить настоящий пир случайно постучавшему в их дом ночью страннику, а потом уговорить его остаться на целую неделю. Некоторые из них обладают скандальным и вспыльчивым характером, пристрелить вас им ничего не стоит, все равно что пожать руку. Короче, они такие же, как и мы, ньюйоркцы, и разделить их можно по тому же принципу – рыцари и злодеи.

Но есть одна существенная разница.

На севере черные – люди свободные, хоть и постоянно угнетаемые. На юге же они домашний скот. Вот только страдают чернокожие куда больше скота, потому как, в отличие от него, способны думать. Наша небольшая, но голосистая группа аболиционистов ежедневно из кожи лезет вон, подчеркивая этот факт, в ответ на что их забрасывают гнилыми помидорами и острыми камнями – сами виноваты, напреслились.

А всем остальным просто нет до этого дела. Мы трусы, и не желаем напрягать воображение. Мягкие, как свежий сыр. Мы не желаем думать о самой возможности выведения породистых работяг, точно они не люди, а лошади. Мы не желаем думать о маленьких детях, которых отрывают от матерей и выменивают на оборудование для ферм. У нас нет ни малейшего желания думать о том, что людей клеймят, как скот, о том, что это такое, работать целый божий день под палящими лучами солнца Луизианы, о том, что это такое, когда человека забивают насмерть плетью за малейшую провинность; не желаем

думать о беглых рабах, которых преследуют и рвут на части специально обученные собаки. Нашему населению как-то не слишком свойственно об этом думать. И оно крайне раздражается, если кто-то пытается открыть ему глаза и посмотреть рабству прямо в лицо.

Вот одна из причин, по которой мы ненавидим похитителей рабов.

Ньюйоркцы любят все эти рассуждения не больше, чем сообщения об обвале акций на бирже. И благодаря Закону о беглых рабах^[17] от 1793 года, мы были обязаны передавать этих самых беглых рабов в руки торговых агентов с юга, точно чистокровных животных. В 1840 году высоко моральный закон, принятый в Олбани, гарантировал право рассматривать дела предполагаемых беглецов, осевших в Нью-Йорке, в присутствии суда присяжных. А в 1842-м процесс «Пригг против штата Пенсильвания» окончательно закрепил за любым беглым цветным по всей стране право на суд присяжных. Таким образом, в 1846-м все в Америке встало с ног на голову, белое стало черным, а черное – чернее, чем был прежде. Добро и зло – все смешалось и задышалось, точно рыба, выброшенная на берег на этой ничейной, толком не управляемой никакими законами земле.

Как-то нелогично получалось, что каждый человек мог делать все, что ему заблагорассудится. Таков, по крайней мере, был мой план, когда Люси Адамс постучала в заваленную снаружи снегом дверь условным стуком – три раза по два стука подряд, – и лишь затем повернула в замке ключ.

Поступать так, как мне заблагорассудится.

В гостиной на окнах тяжелые шторы из дамаска. Фитиль газовой лампы прикручен, отбрасывает лишь слабый желтоватый отблеск на мебель и ковер в цветочный рисунок под ногами. Огонь в камине давно погас, тлели лишь угольки, отчего по стенам этой уютной комнаты непрестанно танцевали тени. И еще это помещение вселяло ощущение полной пустоты, какой-то невозвратной пропажи. На миг показалось, что я спал и вдруг пробудился, но пробуждение обычно бывает более шумным.

Навстречу нам поднялись из-за стола трое мужчин. Все чернокожие, и одного из них я знал.

– Стало быть, вы все-таки нашли его, – сказал миссис Адамс мой друг Джулиус Карпентер, а затем пожал мне руку. – Как поживаешь, Тимоти?

Я улыбнулся, несмотря на напряженную обстановку. Когда-то – казалось, с тех пор прошла тысяча лет – мы с Джулиусом работали в «Устричном погребке Ника», что на Стоун-стрит, и вечерами Карпентер подавал наверх из подвала тысячи сверкающих серебристых устриц. Очень исполнительный, быстрый, но склонный к задумчивости парень со спокойным круглым лицом и глубоко посаженными глазами под бровями домиком. На друге моем было чистое, но слишком просторное для него одеяние – типа тех, что носят плотники после работы, – а в косички волос вплетены душистые чайные листья. Я никак не ожидал увидеть его здесь, но удивление это было приятным. Мы проработали вместе так долго и так слаженно, что, наверное, нам ничего не стоило обслужить с завязанными глазами целую сотню биржевых маклеров, вдруг разом забредших в заведение – даже не вспотели бы. Мы понимали друг друга. Всегда были настроены на одну волну.

– Черт возьми, Джулиус, а ты что здесь делаешь? – Я ухватил его за плечо. – И с чего это ты вдруг растрезвонил о моей безупречной репутации?

– Ты ее заслужил, так я думаю. Прошу, знакомьтесь, это Тимоти Уайлд, полицейский из отделения Шестого округа. Позволь представить: преподобный Ричард Браун и Джордж Хиггинс из нью-йоркского Комитета бдительности. Ну, а третий, как ты уже понял, – это я.

Почти все городские жители почему-то страшно увлекаются созданием разных комитетов. Комитеты по умеренному образу жизни и наоборот, организации, поддерживающие все на свете – от увольнения ирландцев до вегетарианских диет, – а также различные тайные братства. Но о комитете под таким названием я никогда ничего не слышал.

– Это что, клуб какой-то? – спросил я.

– Нет, мы занимаемся важным и благородным делом. Стараемся, чтобы все свободные негры были живы и здоровы и находились здесь, на севере, где успели поселиться, – объяснил Джулиус. – Стоит цветному высунуться из дома, и он рискует быть схваченным. И мы делаем все возможное, чтобы избавить его от этой опасности. В организацию входят только добровольцы, все пожертвования идут для поддержания порядка и безопасности на улицах. Мы организуем патрули и ночное дежурство в районах, где живут цветные. Мы предоставляем юридическую помощь неграм, оказавшимся в затруднительном положении, угодившим в лапы работорговцев, ну и все такое прочее. Мы и о своей безопасности тоже всегда заботимся.

– Так все это патрулирование... неофициальное?

Мне не стоило задавать этот вопрос, поскольку Джулиус объяснил все достаточно четко; однако ответил он не сразу. Мрачно улыбаясь, постучал указательным пальцем о подбородок – столь хорошо знакомый мне жест по прежним временам, когда я беспричинно выражал недоумение.

– И как долго?

– Ну, уже, думаю, года три как.

– Почему же ты мне тогда ничего не сказал?

Джулиус пожал одним плечом.

– Не хотел, чтобы новость распространилась. Помнишь Ника? Как босс, вроде бы человек честный, и всегда платил нам вовремя. Но меня так просто терпеть не мог, и попадаться ему на глаза лишний раз не хотелось. – Старый мой друг огладил рубашку спереди. – Ладно, садитесь все. Времени у нас не так много.

И мы уселись – я с Джулиусом в два кресла спинами к камину, миссис Адамс, преподобный Браун и мистер Хиггинс разместились на диване. Ричард Браун, худощавый мужчина ученого вида, носил в кармане жилета миниатюрную Библию, хотя лично я полагал, что ни эта крохотная Библия, ни представления Джулиуса не были ему нужны, чтобы разместиться, как и подобает священнику, как бы над всем и нами, и смотреть, словно с амвона. Лицо обеспокоенное и одновременно странно умиротворенное, точно он полагал: что бы мы здесь ни решили, все находится в руках всевышнего.

Гораздо более любопытным персонажем показался мне Джордж Хиггинс. Высокий мужчина плотного телосложения с тяжелой челюстью и очень темным, почти что синевато-черным цветом кожи. Он носил аккуратно подстриженную бородку, часы на серебряной цепочке и зеленый шелковый галстук, но при этом рука, свисающая с колена, была загрубелой, мозолистой. Мозоли могли означать что угодно – местные черные, по большей части, работают сразу на трех работах как минимум. Но с другой стороны было очевидно: этот мистер Хиггинс человек богатый. Нет, конечно, он мог получить эту цепочку в наследство, но лично я сомневался в том. А сама цепочка была наимоднейшей – такая длинная и изящной работы. Что же касается шелкового галстука, подобные вошли в моду в Нью-Йорке всего с месяц назад, и выглядел этот предмет туалета очень нарядно и роскошно,

весь так и переливаясь зеленоватыми оттенками. В глубине широко расставленных карих глаз мелькала настороженная искорка. Он так и сверлил меня взглядом, точно не был уверен, что кроется за цветом моей кожи. Он был явно встревожен, и причиной тому были не рассеянность или отсутствие храбрости. Его беспокоило что-то очень личное. Интересно, кто...

– Итак, ближе к делу, – начал я. – Миссис Адамс рассказала мне, что примерно два часа назад были похищены ее сестра и сын. Имеется и свидетель, ее кухарка по имени Мег – ее связали и оставили в доме.

– Мег отправилась домой, прихрамывая и потрясенная случившемся, но в остальном она в порядке, – заметила миссис Адамс. – По ее словам, в дом ворвались двое мужчин, один был вооружен «кольтом». Постучали в дверь, она и открыла. Они ее связали и бросили в кладовой. Она слышала один или два крика, а потом настала тишина.

– А она может опознать нападавших?

– О, да нам и без того прекрасно известно, кто они такие.

– Я хотел сказать, может ли она указать на них в суде, поклясться, что они и есть похитители граждан Америки?

Если бы вместо этих слов я встал и оглушительно свистнул в свисток, это произвело бы на присутствующих меньше впечатления. На лице миссис Адамс возникло страдальческое выражение, физиономия мистера Хиггинса отражала тщательно скрываемую злобу и отвращение, Джулиус Карпендер смотрел с недоумением.

– Смотрю, этот ваш друг полицейский – настоящий подарок, Джулиус, – протянул Джордж Хиггинс.

– Да откуда ему знать? – Мой друг подался вперед, сложив ладони. – Вот что, Тимоти. Хорошо ли разглядела их Мег или нет, совершенно неважно. Свидетельства чернокожих на процессах, где судят похитителей рабов, не принимаются. Только белому дозволено официально идентифицировать личность черного в суде. А что касается черных, которые помогали бы установить личность белого похитителя – сроду о таком не слыхивал.

Челюсть у меня отвалилась, с трудом удалось вымолвить:

– Но это же просто абсурд!

– В том-то и весь фокус, верно? – ядовито заметил мистер Хиггинс. – Мистер Уайлд, все мы здесь взрослые люди и не боимся встречи с этим злом лицом к лицу. Как не боимся вступить с негодьями в схватку, если уж дело до того дойдет. Но мы хотим, чтобы операция по спасению похищенных прошла успешно. И нам не нужна ваша помощь в этом праведном деле. Мы и прежде справлялись сами, десятки раз. Нам нужна ваша помощь в чисто юридическом плане, раз уж среди нас затесался полицейский.

Десятки раз...

– Так получается, вам удалось спасти больше двадцати человек? – удивленно спросил я.

– Начать операции по их спасению – да, однако не все они заканчивались успешно, – признался преподобный Браун. – Порой удавалось, но что до остального... Все судебные процессы заканчивались провалом. И все эти бедняги сейчас в Джорджии или Алабаме, Господь, дай им сил и терпения.

Я провел рукой по лбу у корней волос, ощутил кончиками пальцев гладкую кожу – и кожу, напоминающую на ощупь грубую шкуру аллигатора. Очевидно, что люди, собравшиеся здесь, не слишком хотели вмешательства посторонних. При одной только мысли о том, что они, занимаясь своим делом, прибежали к противозаконным приемам, мне становилось

тошно на душе. Представляю, как внутри у них все переворачивалось от отвращения при виде меня, законного представителя закона – полицейского с медной звездой на лацкане.

И тут из прихожей донеслись звуки – шесть стуков в дверь с интервалами через два, – и мистер Хиггинс испуганно вскочил на ноги.

– Это мой коллега, – поспешил успокоить его я. – Сейчас пойду, проверю.

Я распахнул дверь, и действительно – передо мной стоял Пист, ежась от холода, с лицом красным, как у вареного лобстера. Он потопал ботинками и без лишних слов проследовал за мной прямо в гостиную.

– Знакомьтесь, это Джакоб Пист, прекрасный полицейский, – сказал я и представил своему другу присутствующих. – А теперь... Я еще толком ничего так и не понял. Кто совершил это похищение и как вам прежде удавалось вычислять и ловить злодеев?

Преподобный Браун отперся локтем о валик дивана и прижал палец к губам.

– Их имена Сикас Варкер и Длинный Люк. Охотники за рабами, так они себя называют. А мы называем иначе.

– Змеи они, вот кто! – рявкнул мистер Хиггинс. – А мы здесь лишь напрасно тратим время.

Миссис Адамс содрогнулась.

– Ладно, к какому бы там виду они ни принадлежали, звать их Сикас Варкер и Длинный Люк, и я слышал, будто они из Миссисипи, – тихо вставил Джулиус.

– А куда они отвозят своих пленных? – спросил мистер Пист. Он так и остался стоять, привалившись плечом к дверному косяку. – И каковы будут наши действия?

– Сегодня есть одна веская причина надеяться на лучшее.

– Что за причина? – спросил я.

– Буран, – прошептала миссис Адамс, дотронувшись до шторы.

За окном снег сыпал быстро и неумолимо, точно песчинки в песочных часах; порывистый ветер тут же подхватывал их, взвихривал водоворотами и превращал в белоснежные волны. Да, на улице просто жуть что творилось. И с каждой минутой становилось только хуже. Корабли несло ветром к береговой линии, некоторые разбивались о скалы; матросы, зажав талисманы в кулаках, напрасно всматривались в серую мглу в надежде увидеть свет маяка, убежище от грозных валов, выступ скалы, указующий на безопасную бухту. Напрасно. Ночь 14 февраля 1846 года выдалась просто ужасной. Родным и близким погибших эта ночь запомнится надолго. Я пока что еще не знал, какой ужас творился сегодня на Гудзоне и сколько даже там погибло людей, но главную мысль тут же уловил.

– Полагаю, что жертв похищения обычно норовят увезти как можно дальше, если представится такая возможность, и ни о каких судах речь тут не идет, – заметил я. – Но ни один человек в здравом уме не осмелится отплыть в такую погоду.

Джулиус кивнул.

– У Варкера и Коулза есть побочный бизнес – торгуют спиртным. В доках на Корлиарс Хук у них даже есть своя лавка, с витриной, где выставлены бутылки, и большим подвалом в задней части помещения. Там-то они и держат людей, когда корабль не может выйти в море.

– А это легальный бизнес? – спросил я.

Мне ответили насмешливыми взглядами.

– В следующий раз, когда ляпну какую глупость, можешь дать мне в ухо, – сказал я Джулиусу. – Так каков план наших действий?

– Люси надо найти убежище. В этом доме небезопасно, – ответил Карпентер.

– Нет, я иду с вами, – решительно и мрачно отрезала она.

– Но это ничем не оправданный риск, – возразил я.

– Он прав. – Джордж Хиггинс крепко сжал руку в кулак. – Вряд ли обойдется без насилия. И потом, нам действительно пора. Где лучше разместить на время Люси?

– Нет ничего лучше и надежней, чем полицейский участок, – сказал я и встал.

– Нет! – с отвращением воскликнула она. – Нет, только не Гробницы. Отправив Мег в комитет предупредить людей, я тут же побежала за вами в участок. И все они там...

– Да не в нашем участке, – перебил ее я и переглянулся с Джулиусом. – Я вот что предлагаю. Без обид, и не поймите превратно, но вы только что сами говорили о легальной помощи. Вдумайтесь. Полицейские – это наемные работники, и на них часто сыплются все шишки. Если предстоит схватка и нам крепко достанется, придется принять вызов. Но если нет, куда как лучше оставить все разборки полицейским. Разве я не прав?

В глазах мистера Хиггинса отразилось сомнение, а вот преподобный Браун положил мне руку на плечо.

– А если мы понадобится, тут же вступим в схватку, – согласился он со мной.

– Точно. Ну, а вы, мистер Пист? Сильны в кулачных боях?

– Э-э... – неопределенно протянул он. – Вообще-то всегда был не прочь пустить в ход кулаки, не без веских на то оснований, конечно. У меня так прямо руки уже чешутся, мистер Уайлд, но...

– Там ребенок в опасности, и похитители вооружены, и вообще весьма рискованно соваться в этот их притон. Так что, мистер Пист, придется нам привлечь еще одного человека с медной звездой.

Я подал руку миссис Адамс, и она приняла ее, не глядя на меня. На лице – каменное спокойствие.

– Итак, мы втроем немедленно идем к винной лавке и смотрим, что там творится. – Джордж Хиггинс вскочил, натянул перчатки. – И если что-то произойдет до вашего прибытия, мистер Уайлд, предупреждаю: действовать будем по обстановке. И сделаем все, что в наших силах.

– Не сомневаюсь. Тогда встречаемся там и предпринимаем штурм. А сейчас, миссис Адамс, прогуляемся до участка в Восьмом округе.

– Это почему в Восьмом? – подозрительно осведомился Хиггинс.

– Потому, что миссис Адамс не доверяет полицейским, и вы тоже не доверяете полицейским, а значит, мне нужен еще один полицейский с крепкими кулаками, который к тому же является начальником местного отделения. То есть капитан Восьмого участка. Можете считать его моим братом, а не полицейским, если вам так больше нравится, – добавил я, и все мы направились к двери, за которой бушевал снежный шторм. – Или же республиканцем, или по-техасски увеличенной моей копией, как вам будет угодно. Надеюсь, что к тому времени, когда мы вернем вашу семью, миссис Адамс, вы измените свое мнение о Валентайне и поймете, что он вовсе не дрессированный гризли.

– К тому же это совсем недалеко от нашей цели, – добродушно добавил Джулиус и захлопнул дверь в дом.

Желающих прогуляться или проехаться по улицам в такую жуткую погоду было немного. Однако минут через десять нам все уже удалось остановить проползающий мимо и продуваемый всеми сквозняками кеб, куда я и уселся вместе с мистером Пистом и миссис

Адамс. Возница наш ехал почти что вслепую – лампы горели, но снегопад образовывал вокруг них сплошную ледяную завесу. Мы резко подпрыгивали на ухабах, и при одном сильном толчке миссис Адамс пришлось ухватиться за подвесной ремень.

Но женщина по-прежнему не произносила ни слова. Что могло служить своего рода утешением – она не задавала ненужных вопросов. Мы прислушивались лишь к завыванию ветра, как вдруг возница резко осадил лошадей. Колеса экипажа опасно заскользили, промерзший до костей возница нервно выругался. Вся Принс-стрит тонула в белом. Расплачиваясь с извозчиком, я добавил несколько пенни – это чтобы он дождался нас, – вышел и с трудом добрался до двери в аккуратное кирпичное здание участка.

Внутри в камине жарко потрескивали поленья, за столом со светлой столешницей соснового дерева, где стояла чернильница с пером, никого не было. Я сверился с наручными часами – его вечерняя смена только что закончилась. Начало десятого. Но участок выглядел каким-то совершенно заброшенным. Патрульные наверняка отморозили носы и брови, кругами прохаживаясь где-то поблизости, а их капитана нигде видно не было.

Я указал на скамью.

– Присаживайтесь поудобнее. А я пойду посмотрю в других кабинетах.

Мистер Пист небрежно, но довольно добродушно заметил что-то о нравах новых полицейских вымотанной вконец миссис Адамс, а я вышел в коридор. И дойдя примерно до его середины, остановился – внимание мое привлекли какие-то странные звуки. Тихое поскрипывание, затем – визгливое, какое-то птичье хихиканье. Я распахнул дверь в кабинет.

Мой брат Валентайн расположился в широком дубовом кресле. Как и шикарная девица лет двадцати. Пухленькая во всех нужных местах, золотисто-рыжие волосы спадают на обнаженные плечи. Сидела она на коленях у Вала и левой рукой обнимала его за шею. А хихиканье, видимо, объяснялось тем, что он запустил ей руку под канареечно-желтый корсет, и это казалось ей страшно смешным и забавным.

Может, и права была, а может – нет. Но у меня не было времени обсуждать это с ней.

– Бог мой, Вал, – рявкнул я. – В полицейском участке?

– Тимоти! – Брат приветствовал меня взмахом свободной руки с сигарой и даже не удосужился высвободить вторую из-под корсета. – Знакомься, Тим, это мисс Келли Квирк. А это мой брат, Келли, кругленький и симпатичный, как битком набитая корзинка для пикника.

Лишь через несколько секунд я понял истинную причину столь неприглядного его поведения.

Во-первых, судя по позе и суженым зрачкам круглых зеленых глаз, мой брат предался обычному своему вечернему развлечению: наглотался столько тоника с морфином, что по этому потоку можно было переправлять баржи, как по Гудзону. Во-вторых, судя по обращению «битком набитая корзина для пикника» – в вольном переводе это означало у него «мой славный младший брат» – находился он сейчас в состоянии абсолютной эйфории и не был способен даже из кресла подняться без посторонней помощи. У меня имелся опыт вывода человека из подобного состояния, но это требовало времени и происходило поэтапно. На данный момент могло помочь лишь вмешательство свыше, но Господь не удосужился просветить меня на эту тему. И, наконец, последнее: он глубоко запустил пальцы в рыжеватые волосы курицы и теребил их с какой-то яростной мальчишеской небрежностью, отчего волосы у ее вдовьего пика^[18] вставали дыбом. А это был верный признак того, что тут не обошлось и без солидной дозы эфира. От эфира у Вала всегда обострялись осязательные функции. И он не осознавал в тот момент, что делает.

Из шести компонентов, которые, по моим наблюдениям, Валентайн обычно комбинирует с морфином, эфир наименее поддается выявлению. Я ненавижу эту мерзость. Ведь с ним в такие моменты могло случиться что угодно – от потери сознания до победы в импровизированном бою на боксерском ринге. Он мог также решить, что носить одежду – это акт лицемерия. Если прежде меня просто тревожил исход нашей миссии, то теперь ощущение было такое, словно в желудок мне неким непонятным образом попал подгнивший лимон.

– Мисс Квирк задержали по подозрению в звездочетстве. – Похожие на шрамы мешки под глазами Вала так и задрожали от смеха. – Ну и она объясняла, чем отличается от ночной бабочки, и мне ее аргументы показались убедительными. Ну скажи, разве можно назвать курицу мэб, если она занимается этим ради собственного удовольствия, а не ради нескольких монет, побрякивающих в кармане?

Келли Квирк глубокомысленно закивала, затем вдруг радостно взвизгнула – очевидно, это имело какое-то отношение к руке брата, продолжающей шарить у нее за пазухой. Мне не слишком хотелось развивать эту тему.

– Ты! Пошла вон! – Я указал на дверь. – Все обвинения сняты. Мои поздравления.

Она капризно надула губки.

– А я хочу остаться. Он мне нравится. Что это с твоим братцем, а, Валентайн? Он, случайно, не молли, нет?

Да как эта тварь посмела без всяких на то оснований заподозрить меня в извращенных отношениях с мужчинами? Колкий ответ был уже готов сорваться у меня с губ, но я сдержался. Времени было в обрез.

– Ну почему мне нельзя остаться? – Она захлопала ресницами. – Знаешь, а ты мне тоже нравишься.

– Боже милостивый, – простонал я. – Выметайся отсюда, иначе тебе предъявят еще одно обвинение, в бродяжничестве. Мне страшно жаль. Желая приятно провести вечер.

Нахмутив выщипанные бровки, курица накинула поверх корсета жакет с длинными рукавами и побрела к двери. Потом обернулась и показала мне язык.

– Какого черта, Тим? – Вал выложил ноги на стол, скрестил их, сунул пальцы в проймы жилета с узором в виде плюща. – Я выполнял свои обычные обязанности полицейского, а тут...

– За что мне только такое наказание? – задал я чисто риторический вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь. – Ты был мне так нужен. Прямо сейчас. А теперь я вижу, что пользы от тебя не больше, чем от дохлого моллюска. Спрашиваю еще раз: за что, черт побери, мне такое наказание? Я такого брата не заслужил!

– Скорее всего, ни за что, – благодушно заметил он и воткнул в рот сигару. – Просто не повезло тебе, Тим, тут уж ничего не поделаешь.

В коридоре за спиной раздались знакомые шаги – Пист собственной персоной.

– Мистер Уайлд? Тут мимо проскочила какая-то дамочка, на вид так...

– Она уже уходит, – прошипел я в ответ. – И еще у нас большие неприятности.

– Какие еще неприятности?.. Добрый вечер, капитан Уайлд.

Валентайн, хлопая глазами, уставился на мистера Писта, и выражение раздражения на его лице сменилось недоумением. К моему отвращению, то был верный признак того, что он настолько накачан наркотой, что видит на улице драконов и сфинксов и не имеет при этом ни малейшего желания тщательно рассмотреть их или хотя бы упомянуть о присутствии этих

чудовищ. Почему он так недоуменно уставился на полицейского инспектора, было выше моего понимания. Тем более что они были знакомы.

– А это еще что за тип? – спросил Вал и покосился на меня.

Я снова весь так и вскипел от ярости, не в силах вымолвить и слова.

– Сдается мне, это усконогий морской желудь, – задумчиво добавил Валентайн. – Древний такой моллюск.

Я безуспешно пытался подобрать нужное слово, чтобы сказать брату, к какому именно виду накачанного морфином чудовищ принадлежит он, но тут вдруг Пист громко расхохотался.

– Капитан Уайлд, огромная честь для меня видеть вас снова. Валентайн Уайлд – настоящий герой пожара на Брод-стрит, защитник ирландцев, неустанный адвокат всех «медных звезд», гордость Восьмого участка! Не убивайте меня, не притворяйтесь, будто вы меня не помните. С самого начала формирования нью-йоркской полиции я время от времени работаю с вашим весьма талантливым братом. Пожмите мне руку, сэр, пожмите крепко!

На лице Валентайна возникло некое подобие улыбки, он снял ноги со стола и заметил:

– Так вы тот самый старый голландский хрен, который нашел последний фрагмент головоломки в деле по убийству птенчика в прошлом августе... О'кей, теперь вспомнил. Господи, ну и напугала же меня ваша физиономия!

– Боже милостивый! Мог бы быть и поделикатнее с моим другом, – воскликнул я.

– Да при чем тут деликатность? Тут нужен нож для вскрытия устричных раковин или хотя бы щипцы для колки орехов.

– Замечательно, – радостно откликнулся мистер Пист. – Просто высший класс, капитан Уайлд. Вот вы только что сказали «о'кей». Я так понимаю, это буквы алфавита. И что же они означают?

– Это просто сокращение, – пояснил я. – Производное от «oll correct»^[19].

– Все правильно? – повторил мистер Пист с таким довольным выражением, словно ему удалось наткнуться на склад, под завязку набитый похищенным добром. – Но разве не точнее бы было обозначить это понятие буквами «ВП»?

– Смотрите-ка, оно и в правописании разбирается, – восхищенным шепотом заметил мой братец.

Мистер Пист отвесил низкий поклон, мой опозорившийся брат явно не заслуживал такого почтения. А потом они вновь уставились друг на друга с радостными детскими улыбками.

– Ну, так что, может, к делу? – В голосе моем звучало отчаяние.

– Итак, я вам вдруг понадобился, – пробормотал Вал. – Может, тогда расскажешь, зачем, Тимми, или будешь стоять, как столб?

Я на секунду прикусил язык. Брат называл меня Тимми, чтобы подразнить. Делал он это нарочно, зная, что я приду в ярость. Скрестив руки на груди, чтобы хоть немного подавить пылающий в ней гнев, я принялся рассматривать варианты. Главный вопрос сводился к следующему: будет ли накачанный морфином Валентайн полезней в нашем деле, чем Валентайн отсутствующий.

Увы и ах, но ответ был однозначен – да. Даже полубезумный Вал лучше, чем вовсе никакого Вала. Сколь ни горько и невыносимо это было признавать по отношению к моему совершенно невыносимому старшему брату.

– Идти можешь? – спросил я.

Он нахмурился.

– Конечно, могу.

– Соображать более или менее четко способен?

– В данный момент ты напоминаешь мне сосущего титьку молочного поросенка.

– Ну, а как насчет подраться?

– Боже милосердный! Нет, вы слышали этого щенка? Когда это я отказывался помахать кулаками?

– Так ты идешь со мной?

– Мне надобно подумать.

Я схватил его за плечо и выволок в коридор. Где он увидел женщину неземной красоты, миссис Адамс. Она, окаменев от горя, сидела на скамье у стены; миндалевидные серые глаза ее смотрели в пол, на пышных каштановых локонах поблескивали еще не растаявшие снежинки. Я указал на нее.

– Готов пойти со мной, чтобы помочь ей?

Валентайн лениво почесал в затылке. Все еще размышлял, судя по всему. Или же пытался сообразить, уж не является ли она лесной нимфой. Кто ее знает?.. А затем вдруг стукнул меня по спине так сильно, что я лязгнул зубами.

– Ты должен был привести этот аргумент в самом начале, Тим, – бросил он через плечо и подмигнул мне. – Сэкономил бы минут десять, если не больше. Где мое пальто?

Их называют работорговцами, и ремесло их состоит в том, чтобы похищать любого цветного незнакомца, которого могут схватить.

И. С. Эбди. «Журнал резидентов и перемещенных лиц в Северных Соединенных Штатах Америки, выходил с апреля 1833 по октябрь 1834 г.

Валентайн пронзительно свистнул – прежде я никогда такого свиста не слышал, – подзывая к себе инспектора. Этот полицейский получил строжайший приказ охранять женщину, оказавшуюся в участке, и немедленно принести ей кофе и горячих жареных каштанов. Наш бедный возница уже почти успел окаменеть от холода, когда все мы трое вышли из участка и уселись в его экипаж. Лошади так резко рванули вперед, что мистер Пист стукнулся лбом о дверь, и вот мы помчались к Корлиарс Хук. Для троих в компании с миссис Адамс в карете места было достаточно. Но когда туда влез плотный и могучий Валентайн вместе со своей тяжелой тростью для ходьбы, мистеру Писту пришлось согнуть ноги в коленях, а я, оказавшийся в центре, силился превратиться в кильку в банке.

– За такими снегопадами обычно наступают трескучие морозы, – заметил мой брат, причем на эту мысль, судя по всему, навела его тряска нашего экипажа. – Вот увидите, утром на улицах появятся сани. А теперь расскажите, что произошло.

– Собираемся прищучить парочку похитителей рабов, – ответил я.

– Похитителей рабов, – медленно повторил Валентайн. Мой брат чрезвычайно разборчив в еде и говорит тем же тембром голоса, когда речь заходит о несвежей рыбе. – Ладно. Когда какой-то паразит в облике человека заползает в мою прекрасную страну и начинает учить меня законам своего застойного болота, убеждать, как они прекрасны и справедливы, и что я должен, улыбаясь во весь рот, преклонить перед ними колени, у меня тоже возникает сильнейшее желание прищучить эту тварь. Но почему мы должны гоняться за этими работорговцами в такую ужасную погоду?

– Миссис Адамс... Ты ничего такого в ней не заметил?

– Что она цветная? Ну да, спасибо, я пока что еще не слепой.

– Эти разбойники решили захватить ее семью, чтобы сорвать солидный куш. Но выбраться с Корлиарс Хук пока что не могут, из-за шторма. Один из них вооружен, у него «кольт». Поэтому мне нужен ты.

– Так мы хотим помешать похищению?

– Да, бесстыдному и противозаконному похищению.

Валентайн со свистом втянул сквозь зубы воздух – верный признак того, что он раздосадован. Воротник его темно-синего бархатного пальто был отделан коротким мехом, и он, все еще находясь под воздействием эфира, то и дело проводил по нему костяшками пальцев – точно кошку поглаживал. И жест этот носил нервический характер.

– Что? – спросил я.

– Ничего.

– Ну, нет, так не пойдет. В чем дело?

– Просто благодарен тебе за то, что ты проявил терпение, выждал, пока не кончится моя смена и я не начну накачиваться этой дрянью. Тут есть свои нюансы, тебе этого не понять, но я рад, что ты проявил такое благоразумие.

– Ничего я не проявлял, – рассерженно рявкнул я. – Просто отправился прямо к тебе, и всё.

Валентайн поморщился, а затем вдруг громко и от души расхохотался – вполне характерное для него поведение в таком состоянии.

– Ну вот, это уже больше на тебя похоже, – заметил он. Провел рукой по лицу и словно стер с него болезненное выражение, а затем неловко развернулся на сиденье, чтобы посмотреть мне прямо в лицо. Но не получилось – он лишь задел меня по колену тростью с перламутровым набалдашником. – Послушай меня, молодая восходящая звезда на полицейском небосклоне. Мы не аболиционисты.

Я изумленно уставился на него, лишь теснота, царившая в карете, не позволила разинуть рот. Мистер Пист тоже, видно, пребывал в шоке и недоуменно покосился на моего брата.

– Так ты что, за рабство, что ли? – спросил я.

– Рабство – гнилостный нарыв на лице этой страны, способный рано или поздно разрушить ее до основания и превратить в смердящий серый ад. Скорее рано, чем поздно.

– Так, значит, ты против рабства?

– Любой свободнорожденный американец, у которого есть глаза и уши и еще хотя бы пол-унции мозгов, всегда против рабства. Да, несчастное невежественное насекомое!

– Тогда почему...

– Я сказал, что мы не аболиционисты. Мы демократы.

Я почувствовал, как мистер Пист расслабился и привалился к спинке сиденья. Что же касается меня, я был готов вышвырнуть братца в сугроб.

– Ну, во-первых, никогда не говори от моего лица. Никогда, ясно тебе? – воскликнул я. – Во-вторых, в гробу я видал твою педерастическую партию и всех этих прохвостов-молли, которых ты называешь своими дружками. И, в-третьих, при чем тут вообще эта твоя партия?

– Да при том, что полицейские по большей части подчиняются демократам и разделяют демократические взгляды, – вставил мистер Пист. – Одному Господу ведомо, как ненавидят нас все эти виги^[20], а Американская республиканская партия окончательно выдохлась. Хоть до меня и не сразу дошло, но я понял вас, капитан.

Лично я не понял. Но намеревался разобраться. Причем чем скорей, тем лучше, потому как брат поглядывал на меня с надеждой и оптимизмом. Может, я действительно родился с интеллектом сома или камбалы, но он все-таки надеялся на лучшее.

И тут вдруг меня осенило. Все стало ясно, как божий день.

– Ирландцы, – пробормотал я. – Твое большинство, наделенное правом голоса. Каждый ирландец – демократ, и еще ирландцы всегда конкурируют с чернокожими. Прекрасно. Тогда почему бы не обзавестись еще и поддержкой черных избирателей, ну, хотя бы ради разнообразия?

Тут настал мой черед – все уставились на меня с таким видом, точно я превратился в какого-то уродца, выставленного в музее Барнума^[21].

– Ну, вот что, Тимоти Уайлд, я все же постараюсь выбить из тебя дурь, чего бы мне это ни стоило, – воскликнул Валентайн. – Черные не имеют права голоса.

– Нет, имеют, – нахмурился я.

– Тут их права ограничены наличием собственности. Белые имеют право голоса, если

они граждане. Черные могут голосовать, если они граждане, владеющие собственностью минимум на двести пятьдесят долларов.

Я откинул голову, уперся затылком в стенку кареты и поморщился от отвращения. Я живу на четырнадцать долларов в неделю – получаю на четыре доллара больше инспектора – лишь потому, что Мэтселл, видимо, считает меня более крутым из двух братьев Уайлд. Но если подсчитать стоимость всего моего добра, то больше сорока пяти долларов вряд ли получится. И то сомнительно. Это включая мою половину от тех пятидесяти долларов серебром, которые мы с Пистом разделили по-братски, и я спрятал то, что не успел потратить у себя в кабинете.

И, тем не менее, я богаче почти любого цветного, с кем довелось встречаться.

– Ну, хоть кто-то из них голосует? – уныло осведомился я.

– Ну, может, человек двести или около того из десяти тысяч. И уж точно не за демократов. За Партию свободы^[22], что состоит из аболиционистов.

– Весь этот процесс – просто какой-то порочный замкнутый круг. И сам я, скорее, аболиционист, нежели демократ.

– Полное безобразие, Тим. А вот лично я демократ, – резко заметил Валентайн, и зеленые глаза его засверкали. – И благодаря именно этому столь омерзительному тебе кругу, ты имеешь крышу над головой и хлеб на столе, и так было всегда, еще со времен детства и юности, когда ты только начал превращаться в эдакого идеалиста-недоумка, так что уж извини за мое пристрастие к этому шоу чудаков. Только благодаря им ты и выжил. И это главное. И упаси тебя боже выражать благодарность, они в ней не нуждаются. Но если ты и аболиционист, то смыслишь в этом не больше запечной мыши. Так что неужели нельзя помолчать и не пороть глупости хотя бы ради меня? Да мы самые смиренные долбаные аболиционисты в мире! Ну, что, дошло?

Не желая вступать с ним в спор – тут бы я все равно проиграл, – я просто кивнул. И костерил себя на чем свет стоит за то, что сцепился с Валом, который умудрился смешать эфир с морфином. Под действием эфира братец становится сентиментален.

Ничего себе выдалась ночка.

Мой брат всегда считал себя ответственным за пожар в доме, в котором сгорели наши родители; самому мне было тогда всего десять, а ему исполнилось шестнадцать. А занялся огонь по чистой случайности, в конюшне, близ которой хранились запасы керосина. Я узнал все эти ранее не известные мне подробности лишь в августе прошлого года. И, боже упаси, ни один из нас никогда не упоминал об этом и словом. А уже тем более в присутствии третьего лица, которое в данный момент пристально изучало свои ногти и вряд ли догадывалось о чем-либо. Меня так и подмывало сказать: то был несчастный случай; и еще хотелось сказать, что я все же аболиционист, хотя и полный идиот. А потом вдруг обуяло желание, сильнейшее желание сказать, что впервые за все время я понял, как отчаянно ты за меня боролся, несмотря на тот факт, что являешься полным и окончательным ублюдком. Но ничего этого я, разумеется, говорить не стал.

Вещами, о которых мы с братом старались не говорить, можно было бы вымостить Атлантический океан.

– Ну, вот вам и Хук, – громко объявил Вал и в последний раз машинально провел пальцами по меху на воротнике. – И аккуратней следите за фалдами и полами пальто. В этой части города полным-полно водяных крыс – оттяпают, и не заметишь.

Я не слишком часто бывал в этом районе города, у доков Ист-Ривер, но сразу понял –

шпорм изменил его просто до полной неузнаваемости. Мы стояли на пересечении Уолнат и Черри-стрит, примерно в двух кварталах впереди; у береговой линии смутно виднелись корабли. Обычно спокойная ленивая река словно взбухла, неслась стремительным грязным потоком. Но снег словно стер нас, и актеров, и сцену действия. Он был везде и повсюду, даже на ресницах. Он завалил все подходы к публичным домам, которые посещали матросы, да и сами дома тоже, и их двери сияли непорочной белизной, покосившиеся крыши были увенчаны ослепительно чистыми шапками. Обычно вечером на этих улицах Корлиарс Хук не протолкнуться, ирландцы прямо с доков валом валят к этим зверинцам, где их поджидают размалеванные мэб. Но сегодня, если не считать какой-то несчастной совы, бредущей с накинутой на голову рваной шалью, кругом не было видно ни души, и повсюду властвовал ветер. Вполне мирный и какой-то ненатурально красивый пейзаж. И даже проходящая мимо звездочетка напоминала мадонну, а грязная тряпка, накинутая на ее голову, походила на сверкающий инеем девственно серебристый нимб.

Часов через двенадцать здесь будет жуткая грязь, как на манжетах Жана-Батиста. Но сейчас город сверкал белоснежной чистотой.

Мы перешли через Черри-стрит и увидели своих товарищей. Трое мужчин стояли, притопывая ногами от холода, и не сводили глаз с лавки, витрины которой выходили на Уолнат-стрит. Горели газовые лампы, их свет с трудом пробивался сквозь густую завесу снежинок, мелькающих в воздухе.

– Ну, как обстановка, Джулиус? – спросил я.

– Никто не входил, никто не выходил, – ответил Карпентер. – О, приветствую вас, капитан Уайлд.

– Надо же, Джулиус Карпентер, – удивленно протянул Вал и обернулся ко мне. – Он действительно здесь? Или где-то в другом месте, и просто привиделся мне?

– Он здесь, – вздохнул я.

– Но зачем?

– Комитет бдительности. Они знают, какие шаги следует предпринимать в данном случае, так что сегодня мы с ними. Тебя такой расклад устраивает?

Несмотря на разговор по пути сюда, я на эту тему не слишком беспокоился. Валу всегда нравился Джулиус Карпентер, а после пожара эта симпатия подкрепилась еще и тем, что он чувствовал себя обязанным ему. Однако Джулиус был также единственным на свете человеком, которому удалось переиграть моего брата в покер три раза подряд, что до сих пор изрядно раздражало Вала.

Впрочем, сейчас и это меня мало волновало.

– Слава богу, – сухо заметил Валентайн. – А то я уж подумал, что Тим здесь главный. Прямо камень с души упал.

На губах Карпентера заиграла улыбка.

– Я думаю, что прямой путь самый безопасный, верно, Джордж? – спросил преподобный Браун.

– Лично я не вижу смысла прибегать к каким-то уловкам и изощренным схемам. – Произнесено это было холодно-ядовитым тоном. Джордж Хиггинс, как мне казалось, был человеком, склонным к решительным и кровопролитным действиям. – Джулиус?.. Я скорее доверюсь вашему, нежели моему суждению в любое время и при любых обстоятельствах.

– Мы постучим в дверь, полицейские представятся. Ну, а потом уходим с Джонасом и Делией, и к чертям собачьим все остальное, – провозгласил Джулиус.

– Ну, раз так, то лучше начать без промедления.

Бросив эту фразу, Валентайн начал переходить через улицу; он словно плыл в снегу, разгребая сугробы руками и ногами, точно находился на курорте где-нибудь на Ямайке в середине мая. Я тащился за ним, следом потянулись все остальные. Добравшись до двери, Валентайн три раза постучал в нее тростью, которая куда как больше походила на оружие, нежели на приспособление для дневных прогулок. Судя по всему, он начал испытывать удовольствие от этого мероприятия и даже облизывался, как волк, учувший запах добычи.

И это меня беспокоило. Как беспокоило все, что касалось Вала.

– Почему бы мне не вступить с ними в переговоры? Хотя бы для начала? – поспешил вставить я.

Брат отступил в сторону с улыбкой, которая могла бы показаться саркастической, не знай я, что он по самое горло накачался наркотиками. Дверь приоткрылась, в проеме возникла долговязая тощая фигура.

– Кто? – рявкнуло это странное создание. – Чего надобно?

Я протиснулся в щель вместе с Пистом. Создание, чертыхаясь, пыталось преградить нам дорогу, но тут Вал ударил кулаком, как тараном, в центр двери, и она распахнулась уже настежь. И в лавку ворвались Джулиус, Хиггинс и Браун. Стражник даже зашипел от злости, как кусок бекона, брошенный на раскаленную сковороду.

– Какого дьявола вы тут забыли и кто вообще...

– Полиция Нью-Йорка, – бросил я.

Валентайн вошел последним и затворил за собой дверь. А затем запер ее на засов и застыл в многозначительно грозной позе, характерной для мертвых кроликов, – стоял и перекидывал трость из одной руки в другую, и она качалась, как метроном. Большинство методов устрашения Вала всегда раздражали меня до крайности. Но от этого прямо кровь стыла в жилах, и я одобрительно кивнул.

– Мы не отнимем у вас много времени, – начал я, оглядывая помещение. Кругом высились пирамиды из деревянных ящиков, по всей видимости, заполненные бутылками вина. Пол дощатый, посыпан опилками. На стенах нещадно чадящей лампы, в центре стол с двумя глиняными кружками и недопитой бутылкой вина, пара стульев – словом, обстановка довольно скудная. – А вы, я так понимаю, Длинный Люк?

– Он самый, – закивал Джордж Хиггинс. И поморщился, словно я произнес не имя, а какую-то абсолютную непристойность.

Может, и так. Длинный Люк Коулз был намного выше всех присутствующих, за исключением Вала, а вот шея толщиной не больше его запястья. Жидкие светлые волосы перехвачены простой черной ленточкой, лошадиная физиономия, крупные неровные зубы. Но самое противное – это глаза. Они у него двигались непрерывно, перебегали с одного лица на другое, даже умудрялись метаться между правым и левым моими глазами. Так змеи беспорядочно переключают свое внимание с одного предмета на другой; и члены комитета оказались правы – более змееподобного существа, чем Люк Коулз, мне еще не доводилось встречать. Прямо так и подмывало отсечь ему голову садовой лопатой.

– Что там за заварушка, Люк? – протяжно произнес красивый глубокий голос с сильным южным акцентом. – О, да у нас посетители! И это в такую непогоду... Чем могу служить?

Вал оторвал взгляд от перламутрового набалдашника трости и посмотрел на возникшего в дверях обладателя красивого голоса. И его взгляд подсказал мне, что появился человек куда более опасный, чем Длинный Люк. Я окинул пришельца взглядом.

Мой брат, что довольно часто случалось, оказался прав.

– А вы – не кто иной, как Сикас Варкер, – заметил я.

Если Длинный Люк походил на змею, то Варкер мог легко сойти за крупную крысу или суслика, замершего при виде опасности. Тускло-каштановые волосы, розовый цвет лица. Ростом он был примерно с меня, но мог похвастаться куда более ухоженным видом, следил за собой, в отличие от меня, и было ему не тридцать, а под сорок. А вот черты его лица почему-то смущали. Правильные, красивые, вот только словно перекормленные: прямой нос, четко очерченный подбородок, ясные темные глаза. Но отчего-то при виде этих черт я испытал крайнее отвращение – и это несмотря на то, что, говоря, он улыбался тонкими красивыми губами.

А затем я понял: все дело в улыбке. Она была не только неискренней, хуже того – какой-то абсолютно бессмысленной. Если б то была просто маска, я бы воспринял это спокойнее. Нет, Варкер улыбался и при этом внутри весь так и содрогался от страха, как крыса, забившаяся в свою норку. От этой улыбки просто исходил запах страха – и он не владел собой, не мог его скрыть. И я понял, почему мой брат ничуть не насторожился при виде Варкера. А вот с бывшей своей любовницей Шелковой Марш он всегда вел себя настороженно, поскольку та была совершенно не связана никакими моральными принципами, ей не были присущи ни любовь к своим близким, ни тревога за них. В отличие от нормальных простых смертных. Нет, напротив. Вал показал мне взглядом, что Варкер бесхарактерный и робкий тип.

И я решил, что эти двое способны выкинуть что угодно в любой момент.

На шее у меня выступили холодные, как снег, капельки пота, поползли под воротник.

– Насколько я понимаю, ваш бизнес сводится к отлову беглых рабов, – начал я.

– С чего вы это взяли? – мягко и укоризненно произнес Варкер. – У меня винный магазин, мистер...

– Тимоти Уайлд. И вы насильно удерживаете беглых. Это факт.

– Понимаю... Понимаю, кто-то наговорил вам про меня бог знает что, – забормотал он. – Что ж, глупо было бы отрицать, но знаете, как-то не привык хвастаться тем, что просто исполняю свой гражданский долг, сэр. Уверен, вы меня поймете, поскольку сами находитесь на страже закона.

Я пропустил эту ремарку мимо ушей.

– И вы будете правы, мистер Уайлд... Я делаю все, что в моих силах, чтобы вернуть людям утерянную собственность, помочь цветным вернуться домой, туда, где им самое место. И они, знаете ли, странно благодарны за предоставленную возможность, и я вполне их понимаю. В Нью-Йорке бывает очень холодно, не правда ли, и выживать здесь крайне трудно. Наверное, вы привели мне новых блудных сыновей?

Я слышал, как за спиной у меня Хиггинс скрежещет зубами от ярости; преподобный Браун и Джулиус ничем не выражали своих чувств.

– Думаю, вы прекрасно знаете, кто мы такие, – тихо заметил последний.

На тонких губах Варкера вновь заиграла улыбка, запрыгала, как яблоко, брошенное в бочку с водой.

– Знаю вас? Ну, может, и видел где-то в этих краях раньше, но точно не припомню... О, нет, погодите, один момент! Вы вроде бы из какого-то клуба свободных негров? Был такой, может, и сейчас есть... Ну, в таком случае вы... действительно нечто, делаете честь своей расе. И все равно никак не возьму в толк, что вам здесь понадобилось и почему это в

компании с вами трио полицейских?

– А как, черт побери, в раковине появляется жемчужина? – вдруг задал вопрос Валентайн, не сводя глаз с перламутрового набалдашника своей трости. – Можете называть меня башкой, но никак в толк не возьму... Похоже, она родится из света и морской воды. Но разве такое возможно?

Ни у кого не было ответа на этот вопрос. А уж у меня – тем паче.

Длинный Люк хмыкнул – смех у него походил на лай, – а глаза продолжали перебегать с одного на другого незваного гостя.

– Чего это с ним, а?

– Он человек науки, – выпалил я.

– Скажите, вы двое заходили сегодня в дом на Уэст Бродвей, чтобы похитить двух беглых рабов? – спросил мистер Пист, чем вернул нас к цели визита. Я был готов расцеловать моего уродливого лунатика. – Женщину и ребенка семи лет?

– Так вам эти черномазые сказали? – заметил Варкер. Прежде он стоял возле двери, но теперь подошел поближе. – На вашем месте я бы крепко подумал, прежде чем выслушивать от них разные глупости. Сроду не видывал лжеца, подобного свободному негру, настоящему мастеру по всяким лживым байкам. А даже если и так, что с того? Из-за чего весь этот шум и гам? Разве можно винить человека за то, что он хочет вернуть утраченную собственность, а? Или же нас, людей, которые по-доброму относятся к нарушителям закона и помогают им вернуться домой?

Джулиус сделал шаг и встал рядом со мной. И я был благодарен ему за это. Понял, сейчас он подберет правильные слова, скажет то, что я никак не осмеливался вымолвить.

– Ну, хватит. Через эту дверь в заднюю часть лавки, – выпалил он, решительно выдвинув подбородок. – Там их и найдем.

– Если даже там кто-то и есть, вы не имеете никакого законного права вторгаться на частную территорию, – заявил Варкер и все улыбался, улыбался, улыбался. – А ты следил бы за своим длинным языком, парень, пока тебе его маленько не укоротили, понял?

Я был уверен: вот сейчас, в эту секунду и разразится сущий ад. Но ничего подобного не случилось. Я ошибался.

До сих пор беседа между мужчинами, ненавидящими друг друга, протекала вполне мирно, и я не заметил, как Варкер потихоньку скользнул к столу. А следовало бы заметить. Одновременно мой брат, стоявший у меня за спиной, перестал изучать удивительные способности моллюсков и начал продвигаться вперед. Если б я верно прочел хотя бы одну из этих подсказок, то не слишком удивился бы тому, что произошло дальше.

Вряд ли кто-либо мог бы заметить, как Варкер выдвинул ящик письменного стола, как рука его скользнула внутрь и вынырнула с «кольцом». Но взгляд мой надолго на нем не задержался. Потому что трость Валентайна уже описывала широкую дугу прямо у него над головой.

Трость угодила Варкеру по наружной стороне запястья, послышался хруст тонкой сломанной косточки.

Через долю секунды Варкер взвыл и с грохотом упал на пол. Он побледнел, панически ловя ртом воздух, и ужас его был вполне оправдан. Потому как Валентайн придавил его сломанную руку к столу все той же тростью и придерживал ее за концы широкими своими ладонями.

Я и ахнуть не успел – как, впрочем, и все остальные наши, – а Длинный Люк в испуге

отпрынул. И винить его за это я не мог. Плача и причитая, Варкер поднял глаза на Вала и сделал робкую попытку высвободить руку.

А затем снова хрустнула кость, и он дико взвизгнул. Тошнота подкатила у меня к горлу.

Оказывается, мой Валентайн – браток пыльный.

– Я не с визитом вежливости сюда пришел, – небрежным тоном заметил Вал. – И, черт побери, вовсе не собирался прибегать к таким мерам, даже и помыслить не мог, что придется. Так что лучше говори, что за игру замыслил и что может помешать мне поступить как варвару и сломать тебе лапу окончательно и без всяких предупреждений?

На толстой физиономии Варкера выступил липкий пот. Улыбка исчезла, обнажив то, что прежде крылось под ней: всепоглощающий дикий ужас.

– Никакой игры, – пролепетал он. – Просто боялся за свою жизнь, и я... не имел в виду ничего такого, сэр. Пожалуйста, отпустите мою...

– Только после того, как ты поведаешь мне, где тут у вас потаенные ходы и пещеры, где тут у вас умирят самых непокорных и как потом позволяют реке доделать остальное. Что, разве никогда не задумывался о своем бизнесе в этом плане, а? Так успокой нас на этот счет, а дальше можешь якшаться хоть с самим дьяволом!

– Нет, нет, что вы, как джентльмен...

– Джентльмен? Нет, вы слышали? Говорит, что он джентльмен. А тебе известно, что лично я думаю о работорговцах?

Теперь уже улыбался Валентайн. И то была жутковатая улыбка, ничуть не похожая на трусливую ухмылку Варкера. А тот молчал. Наверное, просто утратил дар речи.

– Лично я считаю, это люди, которые, собравшись вместе, не могут наскрести достаточно монет, чтобы трахнуть свою собственную мамашу, а потому избрали менее благородную профессию.

– А чем вы сами сейчас заняты... – простонал работорговец. Впрочем, это был не вопрос, и он поспешил добавить: – Да, верно, тут есть о чем поразмыслить на досуге.

Я нагнулся, поднял револьвер и сунул его в карман пальто. И тут Вал отпустил братка. Думаю, именно этого он от меня и ждал. Варкер рухнул на стул, прижимая к груди раненую руку и разинув рот. Члены комитета бдительности хранили молчание. Возможно, были просто напуганы, а может, мечтали переломать руки злодею сами. Я разделял эти их чувства. Мой Вал – настоящий засранец, закоренелый бандит.

– Живо! – воскликнул Джулиус и устремился к внутренней двери.

– Вы здесь с Пистом справитесь? – спросил я Валентайна.

Брат скрестил руки, перебросив трость через плечо.

– Если я и этот морской ёж не способны усмирить парочку жалких личинок, предпочитаю броситься в реку сам и избавить их от трудов.

И я вместе с членами комитета бросился в соседнее помещение. Там находилась небольшая кладовая, вдоль стен громоздились ящики, прикрытыми сверху серыми шерстяными одеялами. Напротив – еще одна дверь, но она оказалась заперта. Вход перекрывал небольшой железный засов. Даже замок не удосужились повесить, чтобы удержать злоумышленников от посягательств на свою собственность. Зато выбраться отсюда эта так называемая «собственность» никак не могла.

Люди из комитета опередили меня на несколько ярдов. Джордж Хиггинс навалился на засов, друзья ему помогали. Я замедлил шаг. Уже предвидел, какое зрелище ждет меня за этой дверью, и опасался, что желудок подведет.

Эгоистично с моей стороны. Но, видно, я так и не успел до конца освоиться с работой полицейского. А может, вообще к ней не слишком приспособлен.

Через дверной проем просачивалось совсем немного света. Но его оказалось достаточно, чтобы разглядеть совершенно дьявольскую сцену. Голые стены – впрочем, местами ее испещряли коричневые пятна засохшей крови, и казалось, что запах ее все еще стоит в воздухе. В помещении никакой мебели, вообще ничего, кроме цепей. Под словом «ничего» я имею в виду именно это – жестокое и безжалостное отсутствие чего бы то ни было. Ни соломенных тюфяков или коек, ни раковины, ни стульев, ни окна. Ни лампы. Ни ночного горшка.

Ничего.

Просто комната с четырьмя стенами, одним отверстием в потолке для воздуха, и кандалами, которые держались на крючках, вбитых в штукатурку.

Я уже собрался было сообщить брату, что он перестарался, но подавил этот порыв. Сам вид этой комнаты говорил о многом. Подобное помещение могло возникнуть разве что в воображении самого дьявола. И только человек мог приспособить ее для своих нужд.

В углу, сжавшись в комочек, сидел маленький мальчик, словно в раковине угнездился, хотел стать невидимым. Во рту кляп, какая-то тряпка из хлопковой ткани, и прикован он был к стене за ногу – цепью. Преподобный Браун уже подбежал к нему. Наклонился, тронул его за руку, забормотал слова утешения.

Женщина – тоже с кляпом во рту – была прикована к противоположной стене. Видно, отчаянно пыталась освободиться от наручников и стерла себе запястья до крови. Джордж Хиггинс протянул к ней руку, но она резко отпрянула, видно, не поняла, кто перед ней. Была готова сражаться с любым, кто попытается к ней прикоснуться.

А затем я понял, почему. Верхние шесть пуговиц на ее темно-зеленом корсаже платья были оторваны. Причем отрывали их методично, одну за другой. Не повреждая при этом ткань.

– Вот жалкий червяк, – сквозь зубы пробормотал я.

– Делия? Теперь все хорошо, все в порядке, – сказал Хиггинс и выпрямился. Он старался держаться как можно спокойнее и попятился на несколько дюймов. – Это я. Всё в порядке. Это я, Джордж.

– Снимите же с нее все это. Она поранилась, – воскликнул Джулиус, а сам оглядывал помещение в поисках металлического прута, ломика или какого-либо другого инструмента.

Он был прав. Джордж или не Джордж, но Делия явно не желала терять времени и не прекращала попыток снять наручники с запястий – пусть даже ценой поврежденных костей.

Я вышел из комнаты. Меня так и подмывало переломать Варкеру обе руки. Но сейчас было не до того. Главное – это найти ключи. И я увидел связку ключей – она свисала с крючка в темном углу кладовой. Я бегом бросился назад и поймал себя на мысли о том, что готов разнести здесь в клочья все подряд, все, что только не попадется под руку, а потому заставил себя замедлить шаг.

– Вот. – Опустившись на колени перед мальчиком, я расстегнул на нем наручники – они отдавали кисловатым запахом металла – и бросил связку с ключами Хиггинсу.

Джонаса и его тетю похитили без верхней одежды, и ребенок дрожал от холода. Если в двух других помещениях и скапливалось немного тепла, то все оно уходило здесь в камеру через вентиляционный люк в крыше. Я сбросил пальто, чернокожий священник накинул его ребенку на плечи.

– Ну, вот и все, – сказал Хиггинс, а затем я услышал, как цепи со звоном упали на пол. – Все будет хорошо. Все уже позади.

Я медленно поднялся на ноги. Джулиус уже вынул изо рта Делии тряпичный кляп, а Хиггинс поднес к ее губам фляжку. Она тоже была красавицей, как и сестра, только более хрупкого телосложения и с густой россыпью веснушек вокруг темно-карих глаз. Стоило ей освободиться от наручников, и она заметно успокоилась. Во всяком случае, так мне показалось. Я бы с удовольствием занялся изучением ее психического состояния, но покоя не давал вид крови, сбегавшей с обеих запястий.

– Пойду, перекинусь словечком-другим с Варкером и Коулзом, – нарочито небрежным и спокойным тоном произнес я.

– Успокойся, Тимоти, – заметил Джулиус. – Все пока что складывается очень даже неплохо, а потому надо уходить отсюда, и как можно скорей.

Но ноги уже сами несли меня в первое помещение винной лавки, и я как-то не слишком вдумывался в слова Джулиуса. Мозг был занят другим: достаточным ли будет наказанием для преступников, если я спалю дотла их поганую лавочку. Увидел мистера Писта – тот спокойно стоял посреди комнаты и наблюдал. Валентайн привалился спиной к столу, в одной руке глиняная кружка, в другой – почти допитая бутылка вина.

– Ну, как, все живы-здоровы? – спросил братец и поставил кружку на стол.

– Относительно здоровы.

– Да они беглые рабы! – взвизгнул Длинный Люк. Он стоял в углу, привалившись к стене. – Ну, скажи, Сикас. Разве не так? Вот, Сикас тоже говорит, что они беглые. И вы не имеете права забирать их. Не имеете! Или забыли? «Пригг против штата Пенсильвания»...

– Да, это абсолютно незаконно, – прошипел Варкер со стула. – Даже чудовищно, вот что я вам скажу. Вы не имеете права отбирать пару беглых рабов у их законных владельцев.

– А насколько законна, по-вашему, попытка изнасилования гражданки Нью-Йорка? – парировал я.

Варкер тотчас заткнулся, поджал губы, изображая то ли гнев, то ли искреннее смущение.

– Да я никогда... чтобы я дотронулся до этой грязной...

– Попытка, говоришь? – мрачно спросил меня Валентайн. Я кивнул. – А вот это уже другой расклад. Потому как, честно сказать, этот мешок с дерьмом уже достал меня своей болтовней, и если это не было попыткой...

– А вот это уже чистой воды поклеп! – взвизгнул Варкер. – И я... нужно иметь доказательства, прежде чем обвинять человека в преступлении, разве не...

– У меня идея. – Брат поставил ногу в сапоге на край стула, между двумя жирными ляжками южанина. – Что, если вырвать этот бесполезный кусок мяса, что находится у тебя между зубами, и скормить свиньям вместе с бесполезным куском мяса, который болтается у тебя между ног? Как тебе такой вариант, а? Лично меня очень даже устраивает.

В помещении повисла зловещая тишина. Густая и холодная, как снег на улице. Длинный Люк теперь кипел от злости молча, как только что выключенный чайник, а Варкер смотрел в пол.

Секунд через десять вошли члены комитета с освобожденными пленными. Джонас был завернут в мое пальто, на плечи Делии Джордж Хиггинс накинул свое, куда более приличное. Она держала племянника на руках. Все пятеро проследовали мимо стола, старательно обходя охотников за рабами и при этом брезгливо отворачивая от них взгляды. Это производило впечатление.

И только Делия вдруг обернулась и посмотрела на Варкера. Одарила его совершенно убийственным, гневным, сверкающим, как молния, взглядом. Я даже удивился, почему этот взгляд не прожег дырку в его черепе – настолько он был выразительным.

– Что ж, в таком случае, – сказал я агентам по ловле рабов, – вы двое арес...

– Только посмей закончить это выражение, все зубы пересчитаю, – рявкнул Вал. – Они наверняка скажут, что случайно ошиблись, перепутали этих людей с какими-то другими, и их моментально выпустят из Гробниц, и партия взгреет нас по полной программе.

– Или того хуже, – тихо добавил преподобный. – Хозяева этих людей выдвинут свои требования, и несчастные будут голодать в камере заключения в Гробницах до тех пор, пока не состоится суд по установлению личностей.

– Но она жертва насилия, – выпалил я, – и...

– Покушения на насилие, – поправил меня Вал. – Поди, попробуй доказать это в суде.

Тут, кипя от ярости, я наконец осознал, что этим ничего не достигну. А взглянув на Хиггинса, стоящего рядом с Делией, и ожидая найти в нем поддержку, увидел, что тот молчит. Он ответил мне взглядом, в котором читался давно и долго подавляемый гнев – тяжкая ноша, способная изнурить кого угодно. Я сделал над собой усилие, немного успокоился и отвернулся.

– Тебе решать, – сказал я Джулиусу. – Мы с этим здесь покончили?

– Покончили, – ответил он.

– Черт. Эй, Тим, верни пушку этому слизняку, – приказал Вал. Я не понимал, к чему все это, и не спешил повиноваться, когда он добавил: – Иначе это будет расценено как воровство. Мне лично плевать, а вот тебе, думаю, нет. Можешь выбросить на дорогу, если хочешь.

Брат был прав. Я подошел к двери, открыл ее и зашвырнул «кольт» в сугроб. В комнату ворвался холод, точно рука смерти коснулась моего лица. Джулиус вывел на улицу Делию с Джонасом, за ними последовали Хиггинс и Браун. Мы, полицейские, двинулись к выходу уже медленнее, не сводя глаз с Длинного Люка и Варкера.

– На твоём месте я бы занялся рукой, сходил к врачу, – бросил Валентайн Варкеру, сделал знак Писту и мне выйти, а сам застыл на пороге, держась за дверную ручку. – И ещё я бы на твоём месте забыл, что мы заходили к вам в гости. Всего хорошего.

Я с облегчением втянул ртом воздух, и горло и легкие словно огнем ожгло от холода. Снег продолжал валить, ветер – выть, наметая сугробы. Но при этом меня вдруг охватило ощущение полного счастья и свободы. Все замечательно, просто великолепно. И неважно, что холод пронзает до костей. Наш извозчик уже давным-давно смылся вместе со своей лошастью, и мы торопливо зашагали по Уолнат-стрит к Гранд, где нам снова несказанно повезло. Ещё один отчаянный возница был полон стремления подобрать клиента и заработать лишнюю пару монет, пока дороги окончательно не заметет. Мы и квартала не успели проехать, как вдруг я услышал за спиной такие знакомые звуки.

– Ты чего смеешься? – спросил я брата.

– Ты собирался стибрить у этого сукиного сына револьвер.

Я обернулся, взглянул на него. Вал корчился от смеха, словно в агонии.

– Ничего я не собирался, – огрызнулся я. Брат бросил мне свой шарф, а сам, прикрывая уши, приподнял повыше свой воротник с меховой опушкой.

– Нет, собирался, – выдохнул он. – И вообще, то, что мы только что там проделали, чертовски незаконно. А в конце, мой юный Тим, ты хотел смотаться с награбленным добром. Знаю, сидит в тебе это.

– Что сидит, капитан? – спросил мистер Пист и тоже захихикал.

– Предрасположенность к погрому, разбою и беспределу, только он это умело скрывает.

Верно, Тимоти?

Мистер Пист фыркнул от смеха.

– Хотел толкнуть на черном рынке или прикарманить? Ты, мой Тим, притворщик и настоящий мастер по части торговли запрещенным товаром, – добавил Валентайн с каким-то сладострастным восторгом.

– Не смешно. – Я обернул шарф вокруг шеи и нехотя усмехнулся.

– Нет, ни чуточки, – согласился Валентайн. И захохотал еще громче.

Освободись Нью-Йорк от всех своих цветных, какой бы мирный и чудесный город то был! Как бы сэкономили мы на содержании полиции! То же самое – и в Филадельфии! Нет, конечно, Нью-Йорку следует отдать должное – здесь полечче, чем в Чарльстоне или Нью-Орлеане. И все же – увы – в нашем городе полным-полно цветных, а потому он заслужил репутацию одного из самых криминальных городов нашей страны.

Джон Джакобс Флауэной, «Эссе о происхождении, традициях, и т. д. африканской расы: Почему правильно и важно не иметь ничего общего с неграми», 1835

Добравшись до Восьмого участка, я постучал, затем распахнул дверь в кабинет Вала и втолкнул туда Делию с Джоном. Дрожащих и промокших, но свободных! Люси Адамс почти беззвучно вскрикнула. А когда семья бросилась к ней навстречу, лицо ее озарилось столь ослепительной улыбкой, что освещать ею можно было бы гостиницу «Астория» хоть на протяжении целого года.

В горле у меня встал ком при виде этого зрелища, но я поспешил проглотить его. Передал им аптечку из участка, чтобы заняться в кровь стертymi запястьями Делии, поспешил притворить за собой дверь и устало привалился к ней спиной.

Моя Мерси, подумал я, гордилась бы этой ночной работой. И я представил, как она выглядит, входя в ветхий дом в трущобах, скользя мимо подвальных помещений, где царит суший ад. Бесстрашная до безумия, с полуулыбкой на лице, она раздавала там хлеб, соль и мыло, невзирая на цвет кожи нуждающегося. И бедняки, и богачи равно считали ее невменяемой и щедрой, а меня очень беспокоило состояние ее здоровья. И еще – я просто обожал ее за это.

Я глубоко вздохнул, двинулся по коридору и сказал Валентайну, который взгромоздился на высокий табурет у стойки:

– Угощаю. Я твой должник.

Положив шляпу на столешницу, я потер ноющий висок. Ну, разумеется, стоило только перестать напрягать правый глаз от волнения, как половина головы, словно в отместку, отдалась тупой пульсирующей болью.

К этому времени мы с братом остались вдвоем. По дороге к Гранд-стрит мистер Пист сошел и направился на ночной обход – как всегда преданный своему делу, хоть и немного сонный. Три человека из комитета быстрее меня сообразили, что в одну карету мы не поместимся и что уж совсем немного найдется охотников везти куда-то троицу чернокожих – так и сказали, к моему молчаливому смущению. А потому поступили по-джентльменски – предложили здесь и распрощаться, после того, как я вызвался доставить спасенное семейство во временное убежище ввиду отсутствия Чарльза Адамса. И вот двое обитателей Нью-Йорка по фамилии Уайлд – один весь размягченный от облегчения, второй размягченный от принятых чуть раньше снадобий – буквально умыкнули у них Делию с Джоном, посадили в двухколесный экипаж и увезли с какой-то, как мне показалось, даже

непристойной поспешностью. И платил, разумеется, мой более обеспеченный старший брат. И это раздражало. Как почти все, что делал Вал.

– Можно подумать, я для тебя все это провернул, – хмыкнул он и выложил локти на стойку. – Если существует на свете более соблазнительная цыпочка, чем эта миссис Адамс, то я готов сожрать свой ботинок, даже не посолив.

– Она замужем, – кисло заметил я.

– До сей поры это меня мало волновало... О, да ради бога, успокойся ты! Не собираюсь ловить рыбку в этом озере.

– Вот спасибо. Нет, погоди, – добавил я. – А ты что, обычно... не то, чтобы я возражаю...

– Возражаешь?

Я никогда не возражал, так уж был воспитан – если вообще меня кто-то воспитывал (плохая шутка!) – что это не моего ума дело. Кто там с кем и почему. Между черными и белыми всегда существовали интимные отношения. У нас с Валом никогда не было достаточно денег, чтобы воротить нос от любого живого существа – ну, разве что кроме вшей, – а когда я был еще мальчишкой, нас взял под свое крыло один патриарх из Андерхилла, радикальный приверженец протестантизма. И все эти сантименты по поводу расового кровосмешительства предназначены для людей с вышитыми подушечками и кружевными салфеточками, или уж для того сорта тупиц, которые причисляют африканцев к особой породе обезьян.

– Если б она не была замужем, – пытался объяснить я. – Я не возражал бы. И если тебе...

– Убери морду подальше, а то как бы я не превратил ее в пудинг. – И Вал шлепнул меня по руке.

– Не смей так говорить о моем лице.

– Тогда не криви его, как извращенец, прилипший к чужому дверному глазку.

– Да отвяжись ты. Но... я просто хотел спросить, у тебя было?.. – Выразиться яснее я в тот момент просто не мог.

– Спал ли я с черной женщиной? – Теперь уже Вал смотрел озадаченно. – Последний раз два или три месяца назад, точно не помню. А что?

Ну, вот и приехали. Самое удивительное в этом разговоре было то, что я вообще осмелился задать этот вопрос. Валентайна вообще нельзя было доставать расспросами о половой принадлежности его постельных партнеров, в чем я успел убедиться в прошлом августе и был тогда изрядно шокирован. Так что раса его вряд ли остановила бы. Я подумал, стоит ли добавлять пункт о расовом кровосмешении к списку других непотребств Вала, и решил, что нет. Наркотики, алкоголь, взятки, насилие, хождение по шляхам, азартные игры, воровство, мошенничество, вымогательство и содомия – все это еще служило предметом для беспокойства. А вот что касалось расового кровосмешительства – для меня это было равносильно посещению американской Академии художеств, где можно вдоволь полюбоваться мирными пейзажами.

Однако следовало бы обратить на это внимание. Очень даже следовало бы, особенно с учетом некоторых обстоятельств.

В 1834 году нам пришлось стать свидетелями последствий одного из самых удивительных мероприятий, которые когда-либо видел Манхэттен. Публика в беспорядках участвовала самая разношерстная. А началось все с того, что в воскресенье, чудесным

весенним утром, когда над головой прихожан воздвигся нежнейший купол ясного голубого неба, один из лидеров белых аболиционистов пригласил в церковь чернокожего священника. И не для того, чтобы просто послушать службу, – он усадил его на скамью рядом с аболиционистами. И когда белые прихожане стали пытаться вытеснить чужака на специальную скамью для цветных, этот священник допустил большую ошибку – стал доказывать, что сам Христос был смугл лицом, как какой-нибудь там сириец.

Само предположение о том, что Господь наш Иисус был темнее лицом цветка кизила, вызвало такой взрыв ярости, хаоса и насилия, что в общественных местах пришлось затем раздавать нарисованные от руки листовки с планами отступления, чтобы люди могли благополучно выбраться из любой заварушки. Полиции в нынешнем ее виде тогда не существовало, на усмирение толпы бросили Первый нью-йоркский кавалерийский дивизион, который и разогнал бунтовщиков. И на губах у каждого бунтовщика было это слово – расовое кровосмешительство. Мне самому было тогда шестнадцать, Валентайну – двадцать два, но я до сих пор слышу их голоса – осипшие от дешевого табака, виски и злобы.

Пусть себе любители черномазых якишаются с ними, как хотят, но тогда в городе не будет безопасного места для наших женщин, нигде, даже в церкви...

Говорят, что блондины особенно восприимчивы, их возбуждает сама чернота и ощущение оппозиционности, любая белокурая девушка может соблазниться и тогда...

А вам известно, что это место устроено у черных женщин таким образом, что она запросто может оторвать член у белого мужчины? Но если хотите знать мое мнение, любой пострадавший любитель черного мяса получил по заслугам...

Это все ирландцы, это они пали столь низко, только подумайте, каких уродов они производят при этом на свет! Мозги цветных и ирландский характер, невыносима сама мысль о том...

– Как бы там ни было, прежде всего надобно удовлетворить твои аппетиты, – заметил Валентайн и ткнул меня заскорузлым пальцем в грудь. – Тебе, юный мой Тим, пора завести подружку.

С трудом переключившись на новую тему, я встревоженно возразил:

– О, господи, мы же не это сейчас обсуждаем.

– Ты каких предпочитаешь? Знаю много прехорошеньких цыпочек, которые, визжа от счастья, запрыгнут...

– Нет! Пожалуйста, не надо.

– Если и дальше будешь упрямяться, позвоночник не выдержит и лопнет, как дужка. Мы обязательно найдем тебе славную курочку. Да, кстати, а эта твоя квартирная хозяйка миссис Боэм? Она ведь вроде вдова?

– Оставь мою хозяйку в покое.

– Но ведь ты сам говорил, что она очень даже ничего. Только малость костлявая. Господи, и ведь тебе даже не интересно, как выглядит входное отверстие у этой...

– Заткнись!

– Эта Мерси Андерхилл из Лондона, она вовсе и не ждет тебя. – Вал говорил тихо, но уверенно, точно читал строки из альманаха. – Она просто живет. Сама по себе. Как всегда.

– А все эфир, мать его! – с искренним возмущением воскликнул я. – С морфином я еще как-нибудь бы смирился, но...

– Или вот тебе еще одно предложение. Почему бы не дождаться, пока у тебя не отсохнут яйца, и не отправить их Мерси посылкой по международной почте, на память? Потому как ты только и делаешь, что живешь воспоминаниями.

– Это не так.

– А я говорю, что ты не прав, Тим, и тебе лучше поменять образ жизни. А то потом пожалеешь, да поздно будет.

Как ни странно, но мне вовсе не хотелось придушить его прямо на месте просто потому, что он был несносен и продолжал купаться в волнах морфина, и даже потому, что он был моим братом. Мне хотелось придушить его потому, что он, судя по всему, был прав.

Отчасти проблема заключалась в том, что я просто не представлял себе девушку, которая клюнула бы на парня в таких рубцах и шрамах. Ни одна не пожелала бы проснуться рядом с таким парнем, кроме Мерси Андерхилл. И в животе у меня всякий раз холодело, стоило только представить, как я попробую попытаться счастья с какой-то обычной девушкой, и выяснится, что я прав. Но с другой стороны...

Отсутствие Мерси словно пробило во мне огромную дыру. Не какой-то там легкий соскоб, но черное отверстие с обугленными краями. Казалось, что стоит заглянуть в грудь, и я увижу там голубоватые язычки пламени, танцующие по краям бездонного черного колодца. Весьма специфическое, доложу вам, ощущение. И дело тут было вовсе не в моем либидо или образе жизни – просто она была моим лучшим другом. Я тосковал по Мерси, как тоскуют по отрубленной конечности, меня мучили фантомные боли. И вместо того, чтобы шарить ивовым прутом в этом темном инферно в поисках влаги, я предпочитал подбрасывать в эту топку горючее. Просто боялся пустоты, которая образовалась бы, стоило потерять воспоминания о ней. И подпитывали этот огонь милые пустяки – воспоминания о том, как Мерси однажды переходила со мной улицу, как радовалась первым снежинкам, как сравнивала уродливые тусклые фонари с кеглями для игры в боулинг, как с гримаской отвращения переключалась со своей тарелки на мою веточки петрушки.

Так что, возможно, не стоило искать излечения от этой болезни. Хотя довольно странный то был недуг – к примеру, я не мог стоять на берегу, не подсчитывая волн, которые разделяют нас с ней. Смешно и уж совсем не практично. Ведь Нью-Йорк – это остров. И потом болезнь настолько запущенная, что у современной медицины нет средств для ее излечения.

– Джентльмены, как чудесно, что я наконец могу выразить вам свою благодарность, – произнес чей-то бархатистый голос.

Перед нами стояла миссис Адамс со своим семейством. Увидев Люси и Делию рядом, я вдруг представил, как выглядела их мать – высокая грациозная женщина с пухлыми губами и высокими скулами с нежным таким изгибом – ну в точности как у ветки в саду, сгибающейся от тяжести яблок. Они были очень похожи, только у Люси глаза светлые, а у Делии густая россыпь веснушек вокруг темных глаз. Миссис Адамс была примерно дюйма на два выше сестры, которая крепко вцепилась ей в локоть, точно та могла снова куда-то ускользнуть.

Ребенок был еле виден среди пышных маминых юбок. Но по тому, что все же можно разглядеть, казался очень славным мальчуганом. Тонкие пальчики, гибкая фигурка. Быстрые любопытные глаза под шапкой темных кудрей. Джонас был очень похож на свою маму, хотя рот чуть пошире, а глаза круглые и синие-синие.

– Да ну что вы, не за что, не стоит благодарности, – заметил я. – Хотел отвезти вас домой, но вы слышали, что сказал Джулиус и другие члены комитета. Там небезопасно – по крайней мере, до тех пор, пока не вернется ваш муж. Так что надо подыскать вам временное убежище. И еще мне нужны ваши показания, пусть даже они и не имеют пока официальной силы. Это на тот случай, если удастся доказать, что Варкер и Коулз занимаются похищением бывших рабов на регулярной основе. И мне необходимо доложить об этом в управление. Вы уж извините, что придется еще немного задержать вас, ночь выдалась такая долгая и трудная.

Джонас – вернее, пара глаз удивительного бархатистого кобальтово-синего оттенка – продолжал изучать меня. Как поступил бы на его месте любой практичный человек, столкнувшийся с коренными обитателями враждебной чужой территории.

– Так мы должны искать гостиницу в такую погоду? – В голосе Делии звучало беспокойство.

– Я могу вас проводить, – вызвался я.

– Идея зрелая, как спелый персик, – насмешливо фыркнул Валентайн. – Почему бы тебе не прогуляться в пургу по улицам с тремя людьми без багажа и двумя без зимних пальто? Да ты за секунду найдешь подходящую гостиницу.

– Но они не могут пойти домой до возвращения мистера Адамса, пока парочка этих ублюдков на свободе.

Брат пожал плечами, но, видно, согласился. Я не стал озвучивать вывод из своего недавнего разговора с людьми из комитета, который только что начал улавливать. Да и потом, слово двух цветных женщин не стоит равным счетом ничего в сравнении со словом двух белых мужчин. Если только белый наделен правом устанавливать личность черного в суде, то эта семья должна держаться как можно дальше от здания суда. А Варкером и Коулзом можно заняться и позже – всему свое время. Лично ими займусь.

– Пойдем в церковь, Люси, – предложила Делия и погладила руку сестры. – Уверена, они пустят нас погреться, хотя бы в одну из комнат для хора.

– Да наша церковь в это время уже наверняка закрыта, – заметила миссис Адамс.

– Но она всего в десяти кварталах, и потом, мы и вправду без пальто, и...

– Решено, – провозгласил Валентайн твердо и решительно, словно выступал на политическом митинге. Именно этот тембр и тон он использовал, убеждая ирландцев выйти на улицы в день выборов, иначе их партия потерпит сокрушительное поражение. И даже стукнул кулаком по столешнице для пущей убедительности. – Лично я умираю с голоду. Всем нам не мешало бы подкрепиться.

Голова у меня немного кружилась. Даже если и ближайшие рестораны до сих пор открыты, я сомневался, что на сотрудников Восьмого участка там не распространяется сегрегация, если они явятся поесть в такой компании. Мы, конечно, можем сблефовать, но риск всегда есть, когда цветных выдают за белых, и искать таких приключений на свою голову сейчас не стоит.

– Есть закусочная на Чарльстон-стрит, неподалеку от Гудзона, туда вроде бы всех пускают, – не слишком уверенно заметил я. – Но...

– Нет, только не эта крысиная нора Радолинского, – насмешливо фыркнул Валентайн. – Клецки у них вечно недоваренные – почему, понятия не имею, – а от соуса к телятине разит медвежьим жиром и еще какой-то дрянью. Да у меня дома, на кухне, шамовки полно.

– Что ж, тогда доброй ночи, – кивнул я. – Дам вам знать, если...

– Ты что, не с нами? Или собираешься тащить эту достойную компанию через метель

неведомо куда, тайком, как кот тащит пойманную птичку?

Только тут до меня дошло, что Вал приглашает нас к себе, а живет он всего в полутора кварталах, на Спринг-стрит. И я вдруг поймал себя на том, что обрадовался. Сразу по двум причинам. Во-первых, аболиционистами там и не пахнет, во-вторых, Мерси меня сейчас не ждет.

– Что ж, неплохая идея.

– Тогда хватит трепотни, идем, – приказал он.

И я повиновался. Что же касается вконец измученных жертв преступления, они к этому времени уже прониклись ко мне доверием и без лишних слов последовали за мной.

И ни к чему хорошему это не привело. Ни для меня, ни для них.

Позже я часто размышлял об этом. Очень часто. Если б я знал, какими неприятностями обернется этот широкий и благородный жест Вала, то предпочел бы, чтобы мой брат остался всем тем же бессердечным грубияном, каким всегда хотел казаться. Но вместо этого я взял миссис Адамс под руку и проследовал к двери, за которой леденяще холодный и такой знакомый мир.

– Теперь ты уже дважды мой должник, – заметил Вал и подмигнул.

– Буду помнить, – ответил я.

И я запомнил.

– Расскажите мне, как все было, с самого начала и не спеша, – попросил я Делию, которая, очевидно, была не замужем и носила фамилию Райт.

– Вы чем-то обеспокоены, – заметила она и отпила большой глоток горячего «Лапсан Сушонг»^[23].

– Ненавижу писать полицейские отчеты, – признался я, играя пером. Я так устал, что почти не слышал самого себя, высказывая самые потаенные свои мысли незнакомке. – Особенно когда описываешь какие-то совершенно бессмысленные вещи. Все равно что... нет, этого не объяснить. Словно если официально все запротоколирую, это останется при мне. Возможно, навсегда. И тогда... не знаю, имеет ли это вообще какой смысл.

Мы сидели в гостиной за дубовым письменным столом Вала, пили чай, а с кухни доносилось шипение, сопровождавшееся аппетитным запахом жареного лука. Я начал потихоньку согреваться и уже не чувствовал себя ледяной скульптурой Тимоти Уайлда. И еще почему-то стал не в меру болтлив. Миссис Адамс, которая то и дело поглаживала Джонаса по кудрявой головке, осталась с сыном на кухне и помогала Валентайну готовить. Я был уверен, Вал вполне доволен таким раскладом. Делия Райт сидела прямо передо мной в мягком кресле, на плечи по-прежнему накинуто пальто Хиггинса. В комнате было очень тепло, но никто из нас пока что не хотел видеть оторванные пуговицы на платье. Равно как и замечать белые бинты на запястьях.

– Словно вы нарочно стараетесь запомнить то, что следовало бы забыть, – тихо заметила Делия.

– Вы очень точно выразили мою мысль, самому бы не удалось.

И вот мы оба снова умолкли, и Делия продолжала разглядывать гостиную. У Валентайна была просторная квартира на втором этаже кирпичного дома на Спринг-стрит – большая кухня, гостиная и примыкающая к ней столовая, и две спальни, во всех помещениях безупречная чистота. Вторую спальню он превратил в кабинет, битком набитый атрибутикой демократической партии, имеющей тревожную тенденцию расползаться по всему дому. К

примеру, над камином с ярко пылающими дровами висел в рамочке плакат следующего содержания: «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ – ВОТ ИСТИННЫЙ ГЛАС НАРОДА». Еще один, над полосатым креслом, где сидела Делия, возвещал: «В ЭТОМ ДОМЕ ГОЛОСУЮТ ЗА МЕСТНОГО ДЕМОКРАТА». Словно кто в том сомневался. Я высмеивал его за это, но что толку было спорить с человеком, у которого в спальне висел портрет Томаса Джефферсона размером не меньше четырех футов, а напротив – картина маслом, где изображался американский орел со стрелами в острых когтях?

– Пожалуйста, расскажите мне обо всем, как сами считаете нужным, – я окунул перо в чернильницу. – Не спешите, всё по порядку.

Делия вдруг заинтересовалась рисунком на крае блюдца.

– Я забрала Джонаса из школы, и мы пошли домой... сама я преподаю в Абиссинской^[24] церковной школе вместе с преподобным Брауном. И вот мы сидели в гостиной и жарили каштаны. Мне нравилось оставаться у сестры, когда Чарльз уезжал. В дверь постучали какие-то люди, Мег им открыла. И они ворвались в дом.

– Их было двое или больше?

– Нет. Только Варкер и Коулз. Я крикнула Джонасу – беги, но Коулз перехватил его и скрутил мальчику руки за спиной. – Она помрачнела, лицо ее заострилось, стало хрупким, как яичная скорлупа. – Я пыталась вырвать мальчика у него из рук, но не получилось, и в это время в гостиную вернулся Варкер, после того, как затолкал Мег в кладовку. Он прицелился в меня из револьвера. А потом сказал, что, если и дальше буду брыкаться, проделает в мальчике дыру.

Я едва не сломал пополам перо Вала – просто уж слишком трудно было сохранять спокойствие.

– Вы, наверное, видели, что запястье у Варкера сломано. Впрочем, не знаю, может, и не помните уже. Как бы там ни было, но рад сообщить вам об этом.

Карие глаза ее сверкнули. Очень темные глаза, но они словно светились изнутри приглушенными осенними красками.

– Кто это сделал?

– Мой брат.

– Я бы его убила, – произнесла она плоским ровным тоном. – Если б он тронул моего племянника, я бы его убила. А теперь мне все равно. Я нашла свой путь.

Я приложил перо к губам. Делия Райт, пришел я к выводу, разительно отличалась от своей сестры Люси Адамс. Страх последней за своих любимых был подобен бездонному колодцу. Она опускалась в него целиком и полностью, находясь в свободном падении, невообразимом по своему отчаянию – я даже удивился, помня, как мужественно она себя вела в той ситуации. Не просто удивился – если честно, был просто восхищен. Я видел такой страх в этих огромных серых ее глазах, страх обжигающий и бездонный, как сам ад. Он совершенно вымотал ее в конце. Почти лишил дара речи. Делия же – когда прошел первый шок – так и кипела от ярости.

– Зря я, конечно, это сказала, – добавила она с полуулыбкой. – Просто почему-то с вами очень легко говорить.

– Я как секретер из палисандрового дерева, – неожиданно для себя вдруг признался я. – Все эти аккуратные маленькие ящички и темные ниши, где люди прячут окровавленные ножи... Нет, я ни на что такое не намекаю, упаси боже. Извините. С вами тоже очень легко и приятно разговаривать. И не думайте, что я симпатизирую этому подонку. Что было дальше?

– Они увезли нас в карете. Все произошло так быстро. А потом они заперли нас в той комнате, приковали цепями к стенам, и несколько часов мы просидели в темноте. Я все время говорила с Джонасом, велела ему двигаться, иначе можно замерзнуть. Читала ему стихи, рассказывала разные истории. А потом вернулся Варкер, он был уже изрядно пьян. И сказал, что ему надо оценить качество товара...

Я записывал все. Недрогнувшей рукой и до ужаса аккуратным почерком. Но сжимал перо слишком крепко, до судорожной боли в пальцах.

– Ну, а потом пришли ваши люди. И эту часть... вы правы, я не слишком хорошо помню. Извините...

– Не извиняйтесь, мисс Райт... – Я колебался. – Не так давно ваша сестра сказала мне кое-что, в самом начале, времени объяснять тогда просто не было. Скажите, ее и раньше захватывали похитители рабов?

Лицо ее исказилось просто до неузнаваемости, выражение это как-то совсем не сочеталось с полными губами и веселыми веснушками вокруг глаз.

– Да, похищали, всех нас троих. Когда мы жили в Олбани. И хотели выставить на аукцион у здания законодательного собрания штата. Нет, не Варкер и Коулз. Другие, подобные им. Чарльз Адамс случайно увидел нас там и договорился, чтобы нас выпустили. Ну, когда узнал, что мы свободные рабы... О, так вы ничего не знали? – спросила она, видя, как я недоуменно хмурюсь. – Чарльз Адамс – белый. Видно одна из нас просто забыла сказать вам об этом. – Делия Райт увидела, как я удивленно приподнял бровь, выражение ее лица смягчилось, на губах возникло подобие улыбки. – Ну, а потом... они полюбили друг друга. Он сделал Люси предложение и увез ее в Массачусетс, где они и оформили законный брак. Совсем не то, что эти гражданские браки или сожитительство, без венчания и регистрации, которые не считаются действительными здесь, в штате Нью-Йорк. Слава богу, он скоро должен вернуться. Дня через два.

Да, конечно, она была права. Смешанные браки в нашем штате законными не считаются, но вступившие в них люди не преследуются. Что и понятно, ведь полиция в нынешнем ее виде существует всего полгода, и почти любой обыватель, возражающий против таких союзов, скорее умрет, чем признает, что они существуют. А потому большинство черных и белых бедняков или едут в штат Массачусетс, чтобы узаконить свои отношения, или просто продолжают делить постель безо всякой регистрации. Но для людей достаточно обеспеченных, таких, как Чарльз и Люси Адамс, явление то было необычное. Редкостное, я бы сказал, явление. И неважно, насколько светла была ее кожа или насколько радикальным аболиционистом являлся Чарльз.

Я уже собрался отметить этот факт, но тут послышались шаги. Легкие и плавные, а за ними, словно эхом – более частые. Миссис Адамс подошла к обеденному столу, неся в руках большое блюдо – на нем пирог с золотистой корочкой, от ее ноши разливался в воздухе аромат сливочного масла. Позади, в трех шагах трусил Джонас. И эти три шага показывали, что ему стало гораздо лучше. Мальчуган начал приходить в себя. Губы у него были полные, верхняя почти такая же широкая, как нижняя, и еще, похоже, он забыл мое пальто на кухне. Мальчик бегло улыбнулся своей тете и мне.

– Я делал на пироге верхнюю корочку, так здорово получилось, и еще выложил на ней букву «Х», – похвастался он.

– Прекрасная работа, адмирал Адамс, – сказала Делия. А потом обернулась ко мне. – У нашего Джонаса целая флотилия. Из девяти кораблей.

– Игрушечных кораблей, – с сожалением в голосе поправил ее мальчик.

– А я, когда был мальчишкой, работал на пароме, мне страшно нравилось, – сказал я пацану.

– Знаете, мистер Уайлд, никогда еще не встречала человека, способного сварганить песочное тесто за десять минут, да к тому же еще сдобрить пирог голубями и сухим вином. Но уверяю, результат получился потрясающий, – сказала Люси Адамс с усталой улыбкой.

Тут появился и Вал, выложив на стол тарелки и огромный нож.

– Голуби в нашем городе каждый день становятся жертвами незаслуженной жестокости.

Затем он подошел к письменному столу, наклонился, заглянул мне через плечо и увидел отчет. И у него мешочек под правым глазом нервно задергался от отвращения.

– Голуби заслуживают всяческого нашего уважения, – заметила Делия, взяла Джонаса за руку и повела его к столу. – Мне много раз, уж и не припомню сколько, попадались совершенно ужасные голуби. Нет, лучше не вспоминать.

– А я как-то раз ел в пожарном депо голубя... полоски мяса на вид и вкус в точности как сваренный кожаный ремень. Вареный и сухой, соображаешь? Просто невозможно, с чисто научной точки зрения.

– Чудо кулинарного искусства. Нет ничего противнее плохо приготовленного голубя.

– Вся скверная еда сродни плохой шутке. Она не только оскорбительна, но является напрасной тратой времени.

Обмен этими фразами не мог не вызвать улыбки. Мне даже не удалось иронично приподнять бровь. Валентайн полез во внутренний карман пиджака с длинным разрезом сзади и извлек серебряную фляжку. Отвинтил крышечку, отпил глоток, потом поболтал фляжкой у меня перед носом. И я, приняв угощение и глотнув чистейшего и обжигающего горло рома, был рад отпраздновать пока что еще немного смутное ощущение, что вообще-то я люблю своего старшего брата.

– Сто лет не ел твоего пирога с голубями, – заметил я.

– Тогда советую поторопиться, – сказал Вал. – Иначе я сам слопаю все до крошки.

Мне так хотелось, чтобы этот поздний обед длился до бесконечности, чтобы я смаковал каждую его минуту. И воображал: как было бы здорово, чтобы это повторилось – мой брат смеется, две красивые умные женщины тихо переговариваются между собой низкими бархатными голосами... И еще мальчик, удививший нас способностью засунуть ложку в нос и успешно вытащить ее оттуда, и еще рассказывающий занимательные истории о кораблях из своей флотилии. Если б я знал, как быстро все это закончится, как мимолетно, словно весна в Нью-Йорке, то впитывал бы эту атмосферу с еще большим тщанием.

Мне следовало бы обратить больше внимания на все эти мелочи.

И вот мы навели порядок на кухне, и я уже начал сожалеть, что так и не удалось найти приличной гостиницы в заснеженном городе, и тут в гостиную вошел Валентайн в пальто, шарфе и цилиндре.

– Куда это ты собрался посреди ночи? – спросил я, не слишком уверенный, что хочу услышать ответ.

– У меня обязанности, ты же знаешь. И, несмотря на то, что ты врываешься ко мне, как товарняк, и отрываешь у меня кучу времени, никто их не отменял. Иду в ночную смену; надобно проследить, нет ли где пожара.

Борьба с пожарами Вала нравилась мне не больше, чем его привычка смешивать морфин с эфиром, но я промолчал, понимая, что спорить бесполезно.

– Что ж, раз так, иди, и постарайся...

– У моего брата, – отчетливо и громко, так, чтобы слышали наши гости, произнес Валентайн, – умственные способности и манеры не лучше, чем у белки. Сегодня и завтра перекантуюсь в паровозном депо. Постельное белье для всей честной компании найдете в сундуке, у меня в спальне. Думаю, не стоит напоминать, что никто не должен узнать о вашем здесь пребывании. Вот запасной ключ. – Кусочек металла описал в воздухе дугу и приземлился на столе. Никто к нему не прикоснулся. – Если вдруг понадобится уйти, выходи через заднюю дверь и быстро оглядись по сторонам. И не смей трогать пузырек с настойкой опия на книжной полке, это... особая смесь.

С этими словами он резко развернулся и вышел. Если бы Валентайн обращался не к нам, а объявлял о поражении партии вигов на выборах, думаю, он сделал бы это с тем же выражением лица.

– Боже мой, – тихо выдохнула Люси Адамс.

Я бросился вслед за братом, промчался по коридору и уперся взглядом в его широкую спину. Он уже спускался по лестнице.

– Страшно благородно с твоей стороны.

– Я довольно часто ночую в паровозном депо. – Валентайн обернулся, на губах его играла злобная улыбка. – Вот подумал и решил, что сегодня ты можешь побыть в тепле, Тим. На улице такой холод, а добираться до Шестого участка так долго... Да и сестрица, похоже, не против получить свою толику утешения.

Я прикусил губу, только сейчас до меня дошло.

– Ты ужасный человек, просто чудовище, – бросил я.

– Я филантроп. Не посрами братьев Уайлд, дай ей вкусить волшебного фирменного тоника; вот увидишь, сразу воспрянет духом, как миленькая. И постарайся растянуть удовольствие – если получится, конечно – после столь долгого простоя. Есть такой чертовски действенный трюк с мизинцем, стоит лишь...

– Ты все воспринимаешь превратно.

– Ничего подобного. Разглядел ее достаточно хорошо и считаю, что она очень славненькая, мягонькая и аппетитная куколка; на мой вкус – как раз то, что надо.

– Но я не...

– У меня, как и у каждого, хватает смекалки сообразить, что ты правша, и чтобы доказать это, вовсе не обязательно демонстрировать руку в действии.

Правая рука, о которой шла речь, произвольно сжалась у меня в кулак.

– Не будем больше об этом, никогда! – сердито рявкнул я и развернулся на каблуках.

– Приятных снов, – насмешливо бросил мой братец.

Я вернулся в квартиру Вала мрачнее грозовой тучи, прошедшей через восемь ураганов кряду, но не утратившей силы.

– Квартира твоя на две ночи. Вернись, чтобы проводить тебя домой, – крикнул он вслед.

Сестры переглядывались, совершенно потрясенные этим обменом любезностями. Джонас весело бросился к камину и стал тыкать кочергой в поленья, отчего рассыпались и улетели в трубу золотистые искры. Миссис Адамс изумленно и радостно покачала головой и устремилась за сыном, бормоча что-то об опасности возгорания.

Делия скинула пальто Хиггинса, не слишком озабоченная тем, что стали видны оторванные пуговицы на корсаже, и повесила его на спинку стула. Еще один признак выздоровления, и я был искренне этому рад.

– Когда Чарльз вернется, вы оба должны прийти к нам на Уэст Бродвей и основательно подкрепиться, – с улыбкой заметила она. – Между Мег, Люси и мной, – вы понятия не имеете, что такое вкусная еда. И ваш брат – тоже. Впрочем, не стану дразнить вас и дальше, лучше постараюсь приготовить нежнейшего жареного поросенка. И первый и самый большой кусок – ваш.

– Я не против, – ответил я. – Буду ждать с нетерпением.

Ну, а затем я поплелся домой по заснеженным продуваемым ветром улицам, и вокруг все сверкало и искрилось, как полномасштабная модель Нью-Йорка, вырезанная из льда. Кругом только снег, лед да ветер, и ни души на улицах. Весь город принадлежал мне одному. И через несколько секунд я весь заоченел и стал прихрамывать. Но мне было плевать – и на ноющую от боли ногу, и на то, что глаза слезились, и на тот факт, что мой брат – просто невозможный, невыносимый и одновременно потрясающий человек. Мне даже было плевать на то, что снега у двери на Элизабет-стрит намело целую гору и жильцы были обязаны сами расчищать себе дорожку. А потому я зашел на задний двор к миссис Боэм и нашел там лопату для снега. И бодро принялся за работу. Сегодня ночью весь мир вращался в нужном мне направлении, и я намеревался придать ему ускорение. Сегодня во второй раз за много дней я чувствовал себя совершенно счастливым.

Что должно было послужить мне первым предупреждением: счастье всегда кратковременно и мимолетно.

Увы! Скорблю о том, чему свидетелями вынуждены стать мы, американские христиане, готовые пожертвовать долгой и крепкой дружбой, пылкой и искренней привязанностью, патриотизмом, страной, самосознанием, религией – словом, всем, всем! И все это ради призрачной и совершенно бесплодной войны против рабства!

Дэвид Мередит Риз. Соблазны Нью-Йорка: Выражаю протест против популярных всех заблуждений, будь то в науке, философии или религии, 1838

Когда со мной случилось худшее – а под худшим я вовсе не подразумеваю нечто совсем уж невыносимое, нет, просто более мрачное, чем можно было себе представить, – я попытался разгадать еще одну тайну. Тайну, которая одновременно являлась эдаким чудом в миниатюре.

Наутро после снежной бури я медленно приоткрыл глаза и увидел, что в окно начали просачиваться бледные полосы рассвета, прорвавшиеся сквозь тучи. Я скатился с постели, ощутил под ногами приятную теплоту дощатого пола, и ничего в тот момент не ждал от жизни, кроме как перемолвиться словечком с миссис Боэм, получить вчерашний рогалик, чашку горячего кофе и новый кроссворд от Джорджа Вашингтона Мэтселла.

Внизу пахло сладким луком, который миссис Боэм готовила каким-то особым образом, а затем начиняла им тоже совершенно особый хлеб, название которого, казалось, состояло из одних согласных – всякий раз, как я спрашивал ее об этом. Одни из родителей миссис Боэм был родом из Богемии, и, говоря сама с собой, она использовала слова из этого языка и из немецкого. У нее, насколько я знал, было три платья, и сегодня утром она надела темно-синее, из саржи, с белыми пуговицами до самых ступней и аккуратным воротничком с закругленными краями. И от этого казалось, что волосы у нее не такие уж и бесцветные, а глаза, напротив, не такие уж ярко-голубые. Похоже, она поджидала меня, потому как подняла глаза, едва я успел поправить узел на галстуке. Крупный ее рот кривился от волнения.

– Мы что, вступили в войну с Мексикой из-за Техаса? – спросил я. – Или же с Англией из-за Орегона? Зря, что ли, затевали долгий и опасный флирт с обеими этими сторонами?

– На Гудзоне погибло много людей. Во время шторма. Разбились корабли, лодки... И еще – новый начальник порта, который, видно, плохо знал свое дело.

– Бог мой. Это что, в «Геральд» написали?

– Сосед немец сказал.

То был самый надежный источник информации для миссис Боэм. У меня была газета «Геральд», у нее – сосед немец. Я уселся за стол, поскольку в Гробницы мне надо было прибыть только через час.

– Герр Гецлер, он работает в доках, ремонтирует пароходы, – сказала миссис Боэм. – Моторы и все такое прочее. Говорит, что потери просто ужасные... Спасибо за то, что ночью почистили дорожку перед домом.

– Не за что.

– А вам письмо. – Она кивком указала на сложенный пополам листок бумаги на столе. Сердце у меня едва не остановилось.

Нет, не совсем так. Оно расширилось, точно воздушный шар, а затем резко и болезненно сжалось. А потом забило, страшно быстро. Впрочем, и это не совсем точное описание, если вдуматься хорошенько.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Английская детская считалочка.

Выдержки из книги Джорджа Вашингтона Мэтселла «Тайный язык преступников: Vocabulum, или Бандитский лексикон». (G.W.Matsell & Co., 1859.)

Здесь и далее: многие прежние события и люди, о которых так или иначе будет упоминаться в книге, описаны в романе Л. Фэй «Злые боги Нью-Йорка».

Гробницы (англ. Tombs) – прозвище здания в Манхэттене (построено в 1838 г.), в 1845 г. включавшего суд, полицию и тюрьму. Здание получило прозвище из-за сходства с египетскими мавзолеями, которыми вдохновлялся архитектор.

Нативизм (полит.) – идеология превосходства и главенства т. н. коренных элементов нации или народности над пришлыми (иммигрантами и пр.). В практическом смысле означает сопротивление иммиграции. Нативистская американская партия – политическая организация, созданная в 1835 г. в Филадельфии; выступала за изменения законов о натурализации в интересах белых коренных американцев-протестантов.

Готэм – одно из прозвищ Нью-Йорка.

Жан-Батист Жак Огюстен (1750–1832) – французский живописец-миниатюрист.

Уилтонский ковер – шерстяной ковер с низким ворсом и восточным рисунком, первоначально производился в г. Уилтон, графство Уитлшир, Великобритания.

Стулья с музыкой – детская игра, когда дети бросаются по сигналу занимать стулья, которых всегда на один меньше, чем участников игры.

Район в центральной части Манхэттена, печально известный высоким уровнем преступности.

Сэмюэль Джордж Мортон (1799–1851) – американский антрополог, родоначальник концепции «научного расизма».

Девиант – вымышленная раса сверхлюдей в комиксах Марвела.

Конечно (нидер.).

Спасибо вам большое (нидер.).

Макадам – конструкционный метод укладки дорожного полотна; назван так по имени его изобретателя, шотландского инженера-дорожника Джона Лаудона Макадама (1756–1836), который разработал технологию строительства дорог с щебеночным покрытием.

Уцелевших предметов (фр.).

Закон о беглых рабах – федеральный закон, запрещающий судопроизводство по делам беглых рабов в суде присяжных. Разрешал владельцу раба или его представителю арестовывать беглеца в любом штате северо-восточнее или южнее р. Огайо.

Вдовый пик – V-образная выемка в проборе волос в центре лба, считалась признаком рано овдовевшей женщины.

Оll korreсt, ОК (искаж. от «all correсt») – все правильно, все нормально.

Партия вигов – политическая партия Соединенных Штатов (1832–1856). Возникла как оппозиция демократии Эндрю Джексона и Демократической партии на основе коалиции Национальной республиканской партии, антимасонской партии и других более мелких партий антиджексоновцев. В частности, виги поддерживали главенство Конгресса над исполнительной властью и продвигали программу модернизации и экономического протекционизма.

Американский музей Барнума был создан знаменитым импресарио и владельцем цирка Финнасом Тейлором Барнумом в 1841 г.; представлял собой кунсткамеру, где были выставлены «русалки с острова Фиджи», бородатые женщины и т. п.

Партия свободы – общенациональная партия, основана в 1840 г. консервативным крылом аболиционистского движения, в 1856 г. волиась в Республиканскую партию.

«Лапсан Сушонг (Сучун)» – один из самых известных сортов чая из Южного Китая.

Абиссинская церковь (здесь) – старейшая баптистская церковь в Нью-Йорке, предназначенная только для цветных.